

Артур Конан-Дойл Открытие Рафлза Хоу

Глава I ДВОЙНАЯ ЗАГАДКА

— Ну, конечно, он не придет, — с досадой в голосе проговорила Лаура Макинтайр.

— Почему же?

— Да посмотри, какая погода! Просто ужас!

Она не успела договорить, как снежный вихрь с глухим шумом ударил в уютное, завешенное красной шторой окно; протяжно завыл, засвистел ветер в ветвях огромных заснеженных вязов, росших вдоль всей садовой ограды.

Роберт Макинтайр отложил эскиз, над которым работал, и, взяв в руки лампу, стал вглядываться в темноту за окном. Длинные и словно мертвые сучья безлистных деревьев качались и дрожали, еле видимые за снежной бурей.

Сидя с вышиваньем у камина, сестра взглянула на профиль Роберта, силуэтом выступавший на фоне яркого света. Красивое лицо — молодое, свежее, с правильными чертами, волнистые каштановые волосы зачесаны назад и падают завитками на плечи — таким обычно и представляешь себе художника. Во всем его облике чувствуется утонченность: глаза с еле заметными морщинками в уголках, элегантное пенсне в золотой оправе, черная бархатная куртка, на рукав которой так мягко лег свет лампы. Только в разрезе рта что-то грубоватое, намек на какую-то слабость характера — нечто такое, что, по мнению некоторых, и в том числе сестры Роберта, портило прелесть и изящество его лица. Впрочем, об этом не раз говорил и сам Роберт, — как подумаешь, что каждый смертный наследует все нравственные и телесные пороки бесчисленных прошлых поколений, то, право, счастлив тот, кого природа не заставила расплачиваться за грехи предков.

Неумолимый кредитор этот, надо сказать, не пощадил и Лауры, но верхняя часть лица у нее отличалась такой совершенной красотой, что недостатки в остальных чертах замечались не сразу. Волосы у нее были темнее, чем у брата, ее густые локоны казались совершенно черными, пока по ним не скользнул свет лампы. Изящное, немного капризное лицо, тонко очерченные брови, умные, насмешливые глаза — в отдельности все было безупречно, и тем не менее всякий, взглянув на Лауру, смутно ощущал в ее внешности какое-то нарушение гармонии — то ли в чертах лица, то ли в его выражении. Всматриваясь внимательнее, можно было заметить, что нижняя губка у нее слегка оттопырена и уголки рта опущены — недостаток сам по себе незначительный, но из-за него лицо, которое могло быть прекрасным, казалось всего лишь милостивым. Сейчас на нем было написано недовольство и досада. Лаура сидела, откинувшись в кресле, бросив на колени суровое полотно и мотки разноцветного шелка и заложив за голову руки белоснежные, с мягкими розовыми локотками.

— Он не придет, я уверена, — повторила она.

— Ну что за вздор, Лаура! Разумеется, придет. Чтобы моряк испугался ненастья!

— Ш-ш... — Лаура подняла палец, на губах у нее заиграла торжествующая улыбка, которая, однако, тут же уступила место прежнему выражению разочарования. — Это всего-навсего папа, — пробормотала она.

В передней послышалось шарканье подошв, и в гостиную, волоча ноги, вошел хилый, небольшого роста человек в сильно поношенных комнатных туфлях. У Макинтайра-старшего был бегающий взгляд, редкая, растрепанная, рыжая, с проседью борода, бледная, унылая физиономия. Житейские невзгоды и слабое здоровье наложили на него свою печать. Десятью годами ранее Макинтайр был одним из самых крупных и самых богатых оружейных фабрикантов в Бирмингеме, но длинный ряд коммерческих неудач в конце

концов привел его к банкротству. Смерть жены в тот самый день, когда Макинтайра объявили несостоятельным, переполнила чашу бед, и с тех пор с его бледного, осунувшегося лица не сходило выражение растерянности и придавленности свидетельством некоторого душевного расстройства. Финансовый крах был полный, и семья впадала бы в совершенную нищету, не получи они как раз в это время от брата миссис Макинтайр, сумевшего нажить состояние в Австралии, небольшое наследство — ежегодную ренту в двести фунтов каждому из детей. Соединив свои доходы и перебравшись в небольшой домик в Тэмфилде — тихом местечке в четырнадцати милях от Бирмингема, — Макинтайры могли жить с относительным комфортом. Перемену, однако, остро ощущали все члены семьи. Роберт, которому пришлось отказаться от всякой роскоши, столь милой сердцу художника, должен был теперь ломать голову над тем, как бы извлечь средства существования из того, что прежде являлось лишь прихотью. Но особенно чувствительной перемена была для его сестры: Лаура хмуро сдвигала брови, выслушивая соболезнования друзей, и ей казались невыносимо скучными поля и дороги Тэмфилда после шумной жизни в Бирмингеме. Недовольство детей усугублялось поведением отца. Вся его жизнь теперь проходила в том, что он непрестанно оплакивал злую судьбу, а утешения искал то в молитвеннике, то в графинчике.

Для Лауры, впрочем, жизнь в Тэмфилде все же имела и свою приятную сторону, но и этого ей скоро предстояло лишиться. Макинтайры переселились именно в эту глухую деревушку только потому, что сюда назначен был приходским викарием старый их друг, преподобный Джон Сперлинг. Гектор Сперлинг, старший его сын и ровесник Лауры, был помолвлен с ней несколько лет, и молодые люди уже собирались пожениться, когда внезапное разорение семьи Макинтайров нарушило все их планы. Гектор, морской офицер в чине младшего лейтенанта, находился в отпуске, и не проходило вечера, чтобы он не навестил «Зеленые Вязы», дом Макинтайров. Сегодня, однако, Лауре передали от жениха записку, в которой он сообщал, что получил неожиданный приказ на следующий же вечер вернуться на корабль, стоящий в Портсмуте. Гектор обещал забежать хотя бы на полчаса, попрощаться.

— А где Гектор? — сразу же спросил мистер Макинтайр, оглядывая комнату и мигая от яркого света.

— Не приходил, да и нечего ждать его в такую непогоду. В поле снега намело фута на два.

— Не приходил? Вот как! — закаркал старик, усаживаясь на кушетку. Ну-ну! Не хватает еще, чтобы и они с отцом отреклись от нас. Только этого и остается ждать.

— Ну как ты можешь так говорить, папа! — воскликнула Лаура негодуя. — Они уже доказали нам свою преданность. Что бы они подумали о нас, если бы слышали твои слова!

— Послушай, Роберт, — сказал вдруг старик, не обращая никакого внимания на возмущение дочери. — Я, пожалуй, выпью рюмочку коньяку — всего один глоток, а то я, кажется, схватил простуду в этот холодище.

Роберт продолжал рисовать в альбоме, будто ничего не слыша, но Лаура подняла глаза от работы.

— К сожалению, папа, в доме нет ни капли коньяку, — сказала она сухо.

— Ах, Лаура, Лаура!.. — Старик покачал головой, как бы не столько рассерженный, сколько огорченный. — Ты уже не дитя, Лаура, ты взрослая девушка, хозяйка дома. Мы тебе доверяем, полагаемся на тебя. А ты оставляешь своего бедного брата, не говоря уж обо мне, твоём отце, без капли коньяку. Бог ты мой, что бы сказала твоя мать! Ты только представь себе: вдруг несчастный случай, внезапная болезнь, апоплексический удар! Ты берешь на себя огромную ответственность, Лаура, ты подвергаешь риску наше здоровье!

— Я почти не прикасаюсь к коньяку, — отрезал Роберт. — Для меня Лаура может его не запасать.

— Как лекарство коньяк незаменим. Употребляй, но не злоупотребляй ты меня

понимаешь, Роберт? В этом все дело. Ну, тогда я, пожалуй, загляну на полчасика в «Три голубка».

— Отец! — не выдержал молодой человек. — Неужели ты выйдешь из дому в такую погоду? Если уж тебе необходим коньяк, я пошлю Сару. Или схожу сам, или...

Хлоп! На лежавший перед ним альбом упала свернутая в шарик бумажка. Роберт развернул ее. «Бога ради, не удерживай его, пусть уходит!» — было нацарапано на ней карандашом.

— Во всяком случае, оденься потеплее, — продолжал Роберт, круто меняя позицию с чисто мужской неловкостью, от которой Лауру передернуло. — Может быть, на улице не так уж холодно, как кажется, и с пути тут у нас, слава богу, не собьешься, всего-то пройти сотню шагов.

Не переставая ворчать и бормотать что-то по адресу незаботливой дочери, старик Макинтайр натянул на себя пальто и окутал шарфом длинную, тощую шею. Едва он открыл дверь прихожей, как от резкого порыва холодного ветра замигали лампы. Пока старик брел по извилистой дорожке сада, сын и дочь молча прислушивались к его постепенно удаляющимся тяжелым шагам.

— С отцом становится все труднее, он просто невыносим, — проговорил наконец Роберт. — Не следовало его отпускать. Он там, чего доброго, выставит себя на посмешище.

— Но Гектор придет сегодня в последний раз, он ведь уезжает, жалобно оправдывалась Лаура. — Вдруг бы они встретились? Гектор, конечно, сразу понял бы все. Поэтому мне и хотелось, чтобы отец ушел.

— В таком случае он ушел как нельзя более вовремя, — ответил брат. Кажется, скрипнула калитка... слышишь?

Не успел он договорить, как снаружи послышался веселый возглас и тут же раздался громкий стук в окно. Роберт вышел в переднюю и, отворив наружную дверь, впустил высокого молодого человека; черная суконная куртка его была вся усыпана сверкающими снежинками. Прежде чем войти в маленькую, ярко освещенную гостиную, он, громко смеясь, отряхнулся, как большой пес, и счистил снег с сапог.

По лицу Гектора, по каждой его черточке, сразу видно было, что он моряк. Гладко выбритые верхняя губа и подбородок, небольшие бачки, прямой, решительный рот, твердые обветренные щеки — все говорило, что перед вами офицер английского флота. Ежедневно за обеденным столом во флотской столовой в Портсмуте можно увидеть с полсотни таких лиц, больше похожих одно на другое, чем лица родных братьев. Все эти моряки как будто отлиты по одному образцу, все они продукт определенной системы, которая учит смолоду полагаться на самого себя, закаляет стойкость и мужество. В общем, отличные экземпляры человеческой породы: быть может, не столь тонко отточенного интеллекта, как их собратья на суше, но люди честные, деятельные, готовые к подвигу. Гектор был отлично сложен, высок и строен. Зоркий взгляд серых глаз и энергичные, решительные манеры ясно говорили, что человек этот привык и приказывать и повиноваться.

— Получила мою записку? — обратился он к Лауре, едва войдя в комнату. — Что ж, приходится сниматься с якоря. Вот досада, а? Старика Смизерсу позарез нужны люди; он требует, чтобы я немедленно возвращался.

Сев рядом с Лаурой, Гектор положил загорелую руку на белую ручку девушки.

— Но на этот раз ненадолго, — продолжал он. — Рейс короткий: Мадейра, Гибралтар, Лиссабон — и восвояси. К марту, пожалуй, вернемся.

— Кажется, будто ты только вчера приехал домой...

— Бедная моя! Но теперь ждать немного. Смотри, Роберт, береги ее тут без меня. А когда я вернусь, то на этот раз уж окончательно, слышишь, Лаура? Бог с ними, с деньгами. Тысячи людей живут на меньшее. Совершенно не обязательно иметь целый дом. Зачем он нам? В Саутси можно снять отличные комнаты за два фунта в неделю. Макдугл, наш казначей, только что женился, а он получает всего тридцать шиллингов. Ты не побоишься, Лаура?

— Разумеется, нет.

— Почтенный мой старикан чересчур осторожен. «Подождать, подождать», других у него и слов нет. Но сегодня у меня с ним будет серьезный разговор. Я его уговорю, вот увидишь. А ты, Лаура, побеседуй на этот счет с твоим родителем. Роберт тебя поддержит. И вот тебе список портов и даты, когда мы будем туда заходить. Смотри, я надеюсь, что в каждом порту меня будет ждать письмо!

Гектор вытащил из бокового кармана кителя листок бумаги, но вместо того, чтобы передать девушке, уставился на него с величайшем изумлением.

— Ничего не понимаю!.. — проговорил он. — Посмотри-ка, Роберт, что это такое.

— Поднеси к свету. Ну что ж, банковый билет стоимостью в пятьдесят фунтов. Не вижу здесь ничего особо примечательного.

— Напротив, это более чем странно. Решительно отказываюсь понять, что все это значит.

— Постой-ка, Гектор, — сказала мисс Макинтайр, и в глазах у нее мелькнули озорные искорки. — И со мной сегодня тоже произошло кое-что странное. Держу пари на пару перчаток, что мое приключение интереснее твоего, хотя оно и не принесло столь приятных плодов, как твой банковый билет.

— Прекрасно! Принимаю вызов. Роберт будет судьей.

— Изложите ваше дело. — Молодой человек закрыл альбом и, подперев голову руками, принял шутливо-торжественный вид. — Даме — первое слово. Начинать, Лаура. Впрочем, я, кажется, уже догадываюсь, о чем ты хочешь рассказать.

— Случилось это сегодня утром, — сказала она. — Да, Гектор, ты еще, пожалуй, приревнуешь, я об этом и не подумала. Но тебе волноваться нечего, бедняга просто-напросто помешан.

— Да скажи, ради бога, что с тобой произошло? — спросил молодой офицер, переводя взгляд с банкового билета на невесту.

— Случай сам по себе безобидный, но, согласитесь, очень странный. Я вышла погулять, но тут пошел снег, и я укрылась под навесом, его поставили рабочие вблизи нового дома. Рабочих уже нет, постройка закончена, а владелец, говорят, приезжает завтра, но навес еще не успели разобрать. Я села там на какой-то ящик, как вдруг на дороге появляется человек, подходит ближе и останавливается под тем же навесом. Очень высокий, худой, лицо бледное, спокойное, на вид лет немногим больше тридцати, одет бедно, но выглядит джентльменом. Он что-то спросил о деревне, ее обитателях, я, конечно, ответила, и неожиданно мы с ним принялись оживленно болтать на самые разнообразные темы. Время летело так незаметно, я и забыла про метель, а незнакомец вдруг говорит мне, что снег перестал. И тут, когда я уже собралась уходить, знаете, что он сделал? Подошел ближе, грустно и задумчиво поглядел мне прямо в лицо и сказал: «Хотел бы я знать, полюбили бы вы меня, если бы у меня не было ни гроша за душой?» Как странно, правда? Я перепугалась и выбежала из-под навеса на дорогу — он не успел больше сказать ни слова. Но, право же, Гектор, тебе нечего принимать такой грозный вид. Теперь, когда я все это вспоминаю, мне ясно, что ни в манерах, ни в тоне моего незнакомца не было ничего предосудительного. Он просто размышлял вслух и не имел ни малейшего намерения оскорбить меня. Я убеждена, что он немного не в своем уме.

— Гм... Но в его помешательстве я замечаю некоторую систему, заметил Роберт.

— Я тоже стану действовать по системе, если мне доведется когда-нибудь дать ему хорошую взбучку, — свирепо проговорил лейтенант. — В жизни своей не слышал о подобной бесцеремонности.

— Я так и знала, что ты приревнуешь. — Лаура коснулась рукава его грубого суконного кителя. — Успокойся, я больше никогда в жизни не встречу с этим беднягой. Он, очевидно, нездешний. Ну, вот и все мое маленькое приключение. А теперь расскажи о своем.

Гектор шелестел ассигнацией, вертя ее между пальцами; другой рукой он проводил по

волосам, как человек, старающийся собраться с мыслями.

— Тут какое-то нелепое недоразумение, — начал он. — Я должен как-то все это выяснить, только, признаться, не знаю, как. Под вечер я шел из дому в деревню, по дороге вижу — какой-то человек попал в беду: колесо его двуколки сползло в канаву с водой, незаметной под снегом. Достаточно было сделать небольшой крен вправо, и седок вылетел бы вон. Я, конечно, помог, оттащил двуколку на дорогу. Уже совсем стемнело. Незнакомец принял меня, наверное, за деревенского чурбана, — мы ведь не обменялись с ним и десятком слов. Перед тем, как отправиться дальше, он сунул мне в руку вот эту бумажку. Я чуть было не бросил ее тут же на дороге — я почему-то вообразил, что это какой-нибудь торговый проспект или реклама. По счастью, я все-таки сунул эту смятую бумажку в карман и вот сейчас в первый раз вытащил. Теперь вы знаете об этой истории ровно столько, сколько я сам.

Брат с сестрой не сводили удивленных глаз с банкового билета.

— Да этот твой проезжий, должно быть, сам Монте-Кристо, или по меньшей мере Ротшильд, — сказал Роберт. — Я вынужден заявить, Лаура, что ты проиграла пари.

— И ничуть не огорчена. Первый раз в жизни слышу о такой удаче. Что за прелесть, должно быть, этот щедрый путешественник. Хорошо бы с ним познакомиться.

— Но я ведь не могу оставить у себя эти деньги, — сказал Гектор Сперлинг, не без сожаления поглядывая на банкнот. — Денежные вознаграждения сами по себе вещь приятная, но всему есть мера. Ведь это могло быть ошибкой. И все-таки я уверен, что он хотел дать мне крупную сумму, не мог же он спутать ассигнацию с мелкой монетой! Думаю, мне следует поместить объявление в газетах.

— Жаль, — заметил Роберт. — Должен тебе сказать, твоя история мне представляется в несколько ином свете.

— Право, Гектор, это просто донкихотство, — сказала Лаура Макинтайр. — Почему тебе не принять этот дар так же просто, как он был тебе предложен? Ты оказал услугу человеку, попавшему в затруднительное положение, — услугу, быть может, более значительную, чем ты полагаешь, вот он и отблагодарил тебя, оставил своему спасителю маленький сувенир на память. Не вижу причины, почему тебе надо отказаться от этих денег.

— Нет, право же... — смущенно засмеялся молодой человек. — Во всяком случае, история не из таких, какие лестно рассказывать за столом товарищам.

— Так или иначе, Гектор, завтра ты уезжаешь, — заметил Роберт. — У тебя не будет времени наводить справки о твоём таинственном Крезе. Придется тебе подумать, как бы получше использовать этот неожиданный дар.

— Знаешь что, Лаура, положи-ка эти деньги в свою рабочую корзинку, сказал Гектор. — Будь моим банкиром, и если настоящий владелец отыщется, я направлю его в «Зеленые Вязы». Если же нет, будем считать, что это моя награда «за спасение утопающих», хотя, честное слово, все это не очень-то мне нравится.

Он встал и бросил ассигнацию в стоящую подле Лауры коричневую рабочую корзинку с мотками цветной шерсти.

— А теперь пора мне сниматься с якоря, я обещал отцу вернуться к девяти часам. Ну, дорогая, расстаемся ненадолго и в последний раз. До скорого свидания, Роберт! Желаю успеха!

— До свидания, Гектор! *Bon voyage!*¹

Художник остался сидеть за столом, а сестра его пошла проводить жениха до двери. Роберту были видны их силуэты в слабо освещенной передней, слышны голоса.

— Значит, когда я вернусь, дорогая?..

— Да, Гектор.

— И ничто на свете нас не разлучит?

¹ Счастливого пути (фр.)

— Ничто на свете.

— Никогда?

— Никогда.

Роберт встал и скромно притворил дверь в комнату. Через минуту хлопнула входная дверь, за окном заскрипел снег под быстрыми шагами: это ушел Гектор.

Глава II ХОЗЯИН НОВОГО ДОМА

Метель утихла, но целую неделю крепкий мороз держал в своих железных объятиях всю округу. По промерзшим дорогам звонко цокали лошадиные подковы; ручейки и придорожные канавы превратились в полосы льда. На уходящих вдаль холмистых равнинах, покрытых безупречно белой пеленой, теплыми пятнами рассыпались красные кирпичные домики; в безветренном воздухе струи серого дыма из труб тянулись прямо вверх. Небо было нежнейшего голубого оттенка, и утреннее солнце, светившее сквозь далекие туманы Бирмингема, заливало мягким блеском широко раскинувшиеся поля. Вся эта картина не могла не радовать глаз художника.

Она и в самом деле доставляла радость молодому художнику, который наблюдал ее с вершины пологого тэмфилдского холма, опершись на изгородь, надвинув на лоб берет и покуривая короткую терновую трубку. Роберт Макинтайр медленно оглядывал все вокруг как человек, наслаждающийся созерцанием природы.

Внизу, к северу от подножия холма, перед ним лежала деревня Тэмфилд красные стены домов, серые крыши, там и сям темные силуэты деревьев и неподалеку от них, в стороне от широкой, извилистой, покрытой снегом дороги на Бирмингем, «Зеленые Вязы», где жил он с отцом и сестрой. Медленно переведя глаза в другую сторону, Роберт увидел только что достроенное огромное белокаменное здание строгих пропорций. На одном его углу возвышалась башня; в стеклах доброй сотни окон мерцали красноватые отблески утреннего солнца. Поблизости стояло второе, небольшого размера, низкое квадратное строение с высокой трубой, из которой поднимался в морозный воздух длинный столб дыма. Оба здания окружала массивная ограда, внутри нее высились частые ряды молодых елей — со временем они обещали превратиться в настоящий лес. Большая груда строительного мусора у ворот, навесы для рабочих, длинные штабеля досок от разобранных лесов — все говорило, что работы только что закончены.

Роберт Макинтайр с любопытством разглядывал массивную громаду нового дома. Он уже давно был загадкой и темой для пересудов по всей округе. Не более года назад прошел слух, что какой-то миллионер купил участок и собирается устроить тут поместье. С тех пор день и ночь здесь кипела работа, и все, до последних мелочей, было завершено в наикратчайший срок, в какой можно выстроить разве что несколько шестикомнатных коттеджей. Каждое утро два длинных специальных железнодорожных состава привозили из Бирмингема целую армию рабочих, а вечером их сменяла новая партия, продолжавшая работу при свете двенадцати мощных электрических прожекторов. Число рабочих ограничивалось, как видно, лишь пространством, на котором велись работы. Со станции тянулись вереницы подвод с белым камнем из Портленда. Сотни рабочих тут же выгружали камень, уже отшлифованный в форме квадратных плит, каменщики подавали его с помощью паровых кранов на все растущие стены, где он тут же поступал к другим каменщикам, производившим укладку. День ото дня дом становился выше, колонны, пилястры, карнизы вырастали, как по волшебству. Строилось не только главное здание. Одновременно росло и второе сооружение, и вскоре из Лондона стали приезжать какие-то бледнолицые люди, и с ними прибыло множество странного вида машин, огромные цилиндры, колеса, мотки проводов — все это шло на внутреннее устройство второго здания. Большая труба, поднимавшаяся из самого его центра, и сложное машинное оборудование ясно показывали,

что здесь будет фабрика или лаборатория; ходили слухи, что владельцу, этому богачу, служит забавой то, что для бедняков является необходимостью: он любит поработать у горна, повозиться с колбами и ретортами.

Едва начали возводить второй этаж главного здания, а внизу уже суетились слесари, водопроводчики, столяры, обойщики, выполняя тысячи непонятных, дорогостоящих работ — все ради наибольшего комфорта и прихоти владельца. По всей округе и даже в Бирмингеме рассказывали фантастические истории о неслыханной роскоши внутреннего убранства дома. Здесь явно не жалели никаких денег, лишь бы все до последней мелочи было удобно. Через деревню проезжали фургон за фургоном, нагруженные великолепной мебелью, а деревенские жители стояли по обочинам дороги и глазели на все эти чудеса. Затем стали прибывать ценные звериные шкуры, пушистые ковры, старинные гобелены, изделия из слоновой кости и драгоценных металлов; и всякий раз, когда кому-нибудь удавалось мельком увидеть все эти склады сокровищ, находился повод для новой легенды. Наконец, когда все было готово, прибыл штат прислуги в сорок человек, что предвещало скорое появление самого владельца, мистера Рафлза Хоу.

Не удивительно поэтому то живейшее любопытство, с каким Роберт Макинтайр рассматривал великолепный дом и мысленно отмечал, что из труб идет дым, а на окнах спущены занавеси — признаки того, что хозяин уже прибыл. Огромная территория позади дома была отведена под оранжереи, стекла их сверкали, как поверхность озера, а еще дальше тянулись конюшни и различные хозяйственные постройки. За неделю перед тем через Тэмфилд провели полсотни коней. Как ни грандиозны были приготовления, они все же не были чрезмерны и вызывались лишь необходимостью.

Кто же этот человек, который так щедро сыпал деньги направо и налево? Ни в Бирмингеме, ни в Тэмфилде никто о нем ничего не слышал, никто не знал источника его несметных богатств. Об этом и размышлял лениво Роберт Макинтайр, стоя у изгороди и пуская голубые кольца табачного дыма в морозный, неподвижный воздух.

Взгляд его вдруг упал на темную фигуру среди поля: кто-то вышел из-за поворота и зашагал по широкой, извилистой дороге, ведущей к тэмфилдскому холму. Через несколько минут человек подошел настолько близко, что Роберт различил знакомое лицо, стоячий крахмальный воротник и мягкую черную шляпу викария.

— Доброе утро, мистер Сперлинг.

— А, доброе утро, Роберт! Как поживаешь? Нам не по пути? До чего скользко на дороге!

Его круглое приветливое лицо сияло добродушием, он шел, слегка подпрыгивая, как человек, с трудом сдерживающий радость.

— Есть ли письма от Гектора?

— Ну как же! В прошлую среду он благополучно отплыл из Спитхеда, теперь будем ждать от него вестей с Мадейры. Но вы в «Зеленых Вязах», наверное, получаете вести от Гектора прежде моего.

— Не знаю, получала ли сестра письма за последние дни. А вы еще не были у своего нового прихожанина?

— Я как раз от него.

— Он женат, этот мистер Рафлз Хоу?

— Нет, холост. И, кажется, у него вообще нет родных. Живет один, окруженный огромным штатом прислуги. Дом поистине изумителен. Невольно вспоминаешь «Тысячу и одну ночь».

— А сам владелец? Что он собой представляет?

— Ангел, сущий ангел! Кажется, не встречал еще подобной доброты. Он меня совершенно осчастливил.

Глаза старика сияли от радостного волнения, он громко высморкался в большой красный носовой платок.

Роберт Макинтайр посмотрел на него удивленно.

— Рад это слышать, — проговорил он. — А нельзя ли узнать, в чем, собственно, выразилась его ангельская доброта?

— Сегодня я явился к нему в назначенный час — накануне я писал ему, просил меня принять. Я рассказал ему о нашем приходе, о всех его нуждах, о своей давнишней борьбе за ремонт южного придела церкви, о наших усилиях поддержать беднейших прихожан в эту суровую зиму. Пока я рассказывал ему про все эти беды, он не проронил ни слова, и на лице у него было такое отсутствующее выражение, будто он и не слышит, о чем я говорю. Когда я окончил свой рассказ, он взялся за перо. «Сколько нужно для ремонта церкви?» — спросил он. «Тысяча фунтов, — ответил я, — но триста фунтов мы уже собрали. Сквайр внес щедрую лепту — пятьдесят фунтов». «Ну, а сколько у вас нуждающихся семейств?» «Около трехсот», — ответил я. «Если не ошибаюсь, тонна угля стоит фунт стерлингов. Трех тонн должно хватить на всю зиму. И можно купить пару отличных одеял за два фунта. Ну, что ж, по пяти фунтов на каждую семью и семьсот фунтов на церковь». Он окунул перо в чернильницу и, честное слово, Роберт, тут же написал мне чек на две тысячи двести фунтов. Не помню уж, что я ему сказал. Я просто поглупел от радости, двух слов не мог выговорить, чтоб поблагодарить его. В один миг он снял с моих плеч все заботы. Право, Роберт, я до сих пор не могу прийти в себя.

— Очевидно, очень отзывчивый человек.

— Необычайно! И так скромно! Со стороны можно было подумать, что это я делаю ему одолжение, а он мой проситель. Мне вспомнилось, как сказано в писании о вдове, у которой сердце запело от радости. У меня у самого сердце поет от радости, уверяю тебя, Роберт. Ты не зайдешь к нам?

— Нет, благодарю вас, мистер Сперлинг. Мне пора домой: хочу поработать над своей новой картиной. Это большое полотно, в пять футов, «Высадка римских легионов в Кенте». Попытаюсь еще раз послать на выставку в Академию. До свидания, мистер Сперлинг.

Роберт приподнял берет и продолжал путь, а викарий свернул к своему дому.

Роберт Макинтайр превратил просторную, пустую комнату на втором этаже в студию; туда-то он и направился после завтрака. Хорошо хоть, что у него есть собственный угол, где можно побыть одному! Отец, кроме как о гроссбухах и финансовых отчетах, больше ни о чем не может говорить, а Лаура стала как-то раздражительна и сварлива, с тех пор как оборвалась последняя связь, удерживавшая ее в Тэмфилде.

Обстановка в студии была скудная, и в ней было довольно неуютно: ни обоев, ни ковров, — но в камине трещал веселый огонь, и два широких окна давали необходимый для работы свет. Посреди комнаты помещался мольберт с огромным, натянутым на подрамник холстом, у стены стояли две последние, уже законченные работы художника: «Убийство Фомы Кентерберийского» и «Подписание Великой хартии вольностей». У Роберта была слабость к грандиозным темам и эффектным сценам. Пусть даже честолюбие у него превышало талант, все же в нем сохранилась искренняя преданность искусству и способность не падать духом при неудачах — качества, обычно присущие художникам, которые добиваются успеха. Дважды несколько его картин путешествовали в город, и дважды все они возвращались обратно, и под конец на золоченых рамах, расходы на которые порядком истощили кошелек Роберта, начали обнаруживаться следы этих путешествий. Но, несмотря на неприятное соседство отвергнутых произведений, Роберт принялся писать новое полотно с жаром, какой, может быть только у человека, уверенного в конечном успехе.

Но в этот день художнику не работалось. Тщетно клал он мазок за мазком, делая фон, тщетно выписывал длинные, плавные формы римских галер. Несмотря на все усилия, ему не удавалось сосредоточить мысли на работе, они все время возвращались к утреннему разговору с викарием. Воображение Роберта взволновал странный человек, живущий одиноко среди чужих людей и в то же время обладающий таким могуществом, что одним росчерком пера он может обратить горе в радость и преобразить весь приход. Роберту вдруг вспомнился случай, о котором рассказывал Гектор. По всей вероятности, он повстречался именно с этим самым Рафлзом Хоу. Трудно предположить, чтоб в приходе оказалось двое

таких богачей, для которых ничего не стоит дать пятьдесят фунтов случайному прохожему за пустяковую услугу. Ну, конечно, это был Рафлз Хоу! А у Лауры лежит ассигнация Гектора с поручением вернуть ее владельцу, если таковой обнаружится!

Роберт отложил палитру и, спустившись в гостиную, передал отцу и сестре свою утреннюю беседу с мистером Сперлингом и выразил уверенность, что незнакомец, наградивший Гектора пятьюдесятью фунтами, был не кто иной, как новый сосед, Рафлз Хоу.

— Ну-ну, — оживился старик Макинтайр. — Как это так, Лаура? Почему же ты мне ничего не рассказала? Что вы, женщины, смыслите в делах и деньгах? Дай-ка мне ассигнацию, я освобожу тебя от всякой ответственности за нее. Я все беру на себя.

— Нет, папа, — решительно заявила Лаура. — Я ни за что не выпущу из рук эти деньги.

— Что только делается на белом свете! — воскликнул старик, воздев к небесам тощие руки. — С каждым днем ты становишься все непочтительнее, Лаура. Я могу извлечь пользу из этих денег, понимаешь? Пользу! Они могут стать краеугольным камнем, на котором я снова воздвигну... ну, словом, поправлю свои дела. Я пушу эти деньги в оборот. Я возьму их у тебя под четыре или даже четыре с половиной процента и верну по первому требованию. Ручаюсь тебе, ручаюсь! Ну, хотя бы моим честным словом.

— Папа, это совершенно невозможно, — холодно повторила Лаура. — Это не мои деньги, они принадлежат Гектору. Гектор пожелал, чтобы я стала его банкиром, — это его собственное выражение. Я не вольна распоряжаться ими! А твое предположение, Роберт... не знаю, может, ты и прав, а может быть, и нет, но во всяком случае, я не отдам эти деньги ни мистеру Рафлзу Хоу, ни кому другому без разрешения Гектора.

— Тут ты вполне права: уж конечно, незачем отдавать деньги этому Рафлзу Хоу, — сказал старик, одобрительно кивая головой. — По-моему, нам незачем выпускать их из рук.

— Поступайте, как хотите, я только счел долгом высказать вам свое мнение.

Роберт взял берет и вышел из дому, не желая быть свидетелем спора, который, как он видел, готов был снова разгореться. Душе художника претили эти мелкие перебранки, и он, чтобы немного успокоиться, решил снова обратиться к созерцанию мирного зимнего ландшафта. Роберту была чужда корысть, постоянные разговоры отца о деньгах вызывали в нем подлинное отвращение и ненависть к этой теме.

Он не спеша зашагал по своей излюбленной тропинке, которая вилась вокруг холма. Мысли, занимавшие художника, были далеко от вторжения римлян на территорию Англии — он думал о таинственном миллионере, — как вдруг взгляд его упал на высокого, худощавого мужчину, неожиданно оказавшегося прямо перед ним: держа трубку во рту, незнакомец пытался зажечь спичку, загораживая ее от ветра шапкой. На нем была куртка грубого, толстого сукна, на лице и на руках виднелись следы дыма и копоти. Но ведь известно, что все курильщики на свете как бы принадлежат к одному братству, подобно масонам, и тут уж рушатся всякие социальные перегородки. Вот почему Роберт остановился и предложил свой коробок.

— Не хотите ли огня?

— Благодарю. — Незнакомец взял спичку, чиркнул ею и пригнулся. У него было бледное, худощавое лицо, короткая негустая бородка и острый, с горбинкой нос; прямые густые брови, почти сросшиеся на переносице, придавали взгляду решительное и энергичное выражение. Очевидно, какой-нибудь квалифицированный рабочий или механик из тех, кто занимался внутренним оборудованием нового дома. Вот случай получить из первых рук ответы на вопросы, мучившие Роберта. Он подождал, пока незнакомец раскурит трубку, затем пошел с ним рядом.

— Вы идете к новому дому? — спросил Роберт.

— Да.

Голос прозвучал холодно и отчужденно.

— Вы, случайно, не принимали участия в его строительстве?

— Да, я в некотором роде к нему причастен.

— Я слышал, внутри там просто какие-то чудеса. Все только об этом и говорят. Дом действительно так роскошен?

— Право, не могу сказать. Я не слышал того, что о нем рассказывают.

Судя по тону, незнакомец не хотел вступать в разговор, и Роберту даже показалось, что пронизательные серые глаза спутника глянули на него настороженно. Но если этот рабочий так сдержан и скрытен, тем больше оснований предполагать, что он кое-что знает, — надо только суметь вытянуть из него сведения.

— А вот и пресловутый дворец! — заметил Роберт, когда они очутились на самой вершине холма, и он еще раз посмотрел на громадное здание. — Что ж, он и в самом деле грандиозен и великолепен, но я лично предпочитаю свою каморку там, в деревне.

Рабочий молча пускал дым из трубки.

— Так вы не охотник до роскоши? — спросил он наконец.

— Нет. Я не хотел бы стать ни на йоту богаче, чем я есть. Конечно, мне бы хотелось продать свои картины. Надо же на что-то существовать! Но кроме этого, мне ничего не нужно. Я даже берусь утверждать, что я, бедный художник, или вы, человек, зарабатывающий себе на хлеб, мы больше получаем радостей от жизни, чем владелец этого пышного дворца.

— Да, пожалуй, вы правы, — ответил рабочий уже более миролюбиво.

— Искусство само по себе награда, — продолжал Роберт, воодушевляясь все больше, коль скоро разговор коснулся близкой его сердцу темы. — Разве купишь за деньги то чувство глубочайшего удовлетворения, какое испытывает художник, творящий нечто новое, прекрасное? Разве купишь тот восторг, какой охватывает его, когда день за днем он видит, как оно растет у него под рукой, — и вот оно завершено! Живя искусством и не будучи богат, я все же счастлив. Отнимите у меня искусство, и в жизни моей образуется пустота, которую не заполнить никаким богатством. Но, право, не знаю, почему я вам все это говорю.

Рабочий остановился, обратил к Роберту закопченное лицо и посмотрел на него серьезно и пытливо.

— Очень рад слышать такие речи, — сказал он. — Отрадно знать, что еще не все на свете поклоняются золотому тельцу. Значит, есть люди, стоящие выше этого! Разрешите пожать вам руку!

Это было довольно неожиданно, но втайне Роберт немножко гордился тем, что принадлежит к богеме и обладает счастливой способностью заводить друзей в самых разнообразных слоях общества. Он с готовностью ответил на сердечное рукопожатие нового знакомого.

— Вас интересует этот дом? Я хорошо знаю его внутреннее устройство, если угодно, могу, пожалуй, вам там кое-что показать, может, будет для вас занятно. Мы как раз подходим к воротам, желаете пройти со мной?

Вот действительно удобный случай! Роберт охотно согласился, и они пошли по длинной аллее, обсаженной молодыми елками. Увидев, однако, что его скромно одетый спутник зашагал по широкой, усыпанной гравием площадке прямо к главному входу, Роберт испугался, как бы не поставить себя в неудобное положение.

— Но не через главный же вход? — шепнул он, слегка потянув своего спутника за рукав. — Мистеру Рафлзу Хоу это может не понравиться.

— Не думаю, что тут встретятся какие-либо препятствия, — ответил тот, спокойно улыбнувшись. — Я и есть Рафлз Хоу.

Глава III ДОМ ЧУДЕС

На лице Роберта Макинтайра застыло выражение крайнего изумления, вызванного этим совершенно неожиданным оборотом дела. Сперва он решил, что его спутник шутит, но

спокойная уверенность, с какой тот стал подниматься по лестнице, и глубокое почтение, с каким встретил его в холле разодетый мажордом, распахнувший перед ним дверь, доказывали, что он сказал правду, Рафлз Хоу оглянулся и, увидев растерянное и удивленное лицо молодого художника, чуть заметно усмехнулся.

— Простите, что я не сразу назвал себя, — сказал он, дружеским жестом коснувшись руки Роберта. — Узнай вы сразу, кто я такой, вы бы не были откровенны и я бы лишился возможности узнать вас по-настоящему. Едва ли, например, вы решились бы столь прямо выражать свое мнение о богатстве, если бы знали, что перед вами хозяин этого дома.

— Кажется, никогда в жизни я не был до такой степени поражен, выговорил наконец Роберт.

— Вполне естественно. За кого вы могли принять меня, как не за рабочего? Да я, в сущности, и есть рабочий. Химия — мой конек, я часами не вылезаяю из лаборатории. Сегодня я как раз разжигал горн, надышался не очень-то приятными газами и решил, что мне полезно прогуляться и выкурить трубку. Вот так мы и встретились. И, боюсь, костюм на мне был вполне под стать моей прокопченной физиономии. Но, мне кажется, я догадываюсь, кто вы. Вы Роберт Макинтайр, я не ошибся?

— Да. Но... откуда вы меня знаете?

— Я, конечно, постарался кое-что проведать о своих новых соседях. Мне сказали, что в деревне живет художник по имени Макинтайр, а в Тэмфилде, я полагаю, художники не так уж многочисленны. Но как вам нравится планировка и сам дом? Надеюсь, он не оскорбляет вашего тонкого вкуса?

— Чудесно, изумительно! У вас, должно быть, необычайно острый глаз на такие вещи.

— У меня нет никакого вкуса, ни малейшего. Я не отличу хорошего от дурного. Я самый типичный обыватель. Но я пригласил лучшего специалиста из Лондона и еще одного из Вены. Вот они вдвоем все это и устроили.

Хозяин провел гостя через двустворчатую дверь, и они остановились на огромном ковре из бизоньих шкур. Он был постлан у самого входа в большой квадратный двор, вымощенный разноцветным мрамором, выложенным сложнейшим узором. Посреди двора из фонтана резной яшмы били пять тонких водяных струй: четыре из них изгибались к четырем углам двора, падая затем в широкие мраморные чаши, а пятая была высоко вверх и затем со звоном падала в центральный бассейн. С каждой стороны двора росла высокая, грациозная пальма; тонкие, прямые, как стрела, стволы их венчались на высоте пятидесяти футов кроной зеленых, клонящихся книзу листьев. Вдоль стен тянулись арки в мавританском стиле из яшмы и белого с красными прожилками корнуэллского мрамора; арки были завешены тяжелыми темно-пурпуровыми занавесями, скрывающими находящиеся за ними двери. Впереди, справа и слева шли широкие мраморные лестницы, устланные пушистыми коврами из Смирны; они вели к верхним этажам здания, расположенного вокруг всего этого двора. Во дворе было тепло и в то же время чувствовалась свежесть — таким бывает в Англии воздух в мае.

— Тут все, как в Альгамбре, — заметил Рафлз Хоу. — Пальмы хороши. Корни их уходят глубоко в землю и окружены трубами с горячей водой. По-видимому, отлично принялись.

— Какая прекрасная филигранная работа по бронзе! — воскликнул Роберт, подняв восхищенный взгляд на блестящие, поразительно тонкой ажурной чеканки металлические экраны, заполнявшие промежутки между мавританскими арками.

— Да, довольно изящно. Но это не бронза. Бронза недостаточно ковкий материал, ее нельзя довести до такой тонкости. Это — золото. Но пройдемте дальше. Вы подождете, пока я смою с себя всю эту копоть?

Он повел гостя к двери с левой стороны двора. К изумлению Роберта, едва они подошли, дверь медленно распахнулась перед ними.

— Я ввел небольшое усовершенствование, — пояснил хозяин. — Стоит приблизиться к двери, и вес вашего тела, давя на доски пола, освобождает пружину, а она вызывает

вращение дверных петель. Прошу вас, войдите. Это мой собственный маленький кабинет, он обставлен по моему личному вкусу.

Если Роберт ожидал увидеть новое зрелище богатства и роскоши, то был горько разочарован, ибо очутился в просторной, но почти пустой комнате, где находилась лишь узкая железная кровать, несколько как попало расставленных деревянных стульев, старый, потускневший от времени ковер и большой стол, заваленный книгами, пузырьками, бумагами и всяким хламом, какой обычно скапливается на столе делового и не очень аккуратного человека. Жестом пригласив гостя сесть, Рафлз Хоу скинул куртку и, завернув рукава толстой фланелевой рубашки, стал старательно умываться горячей водой, текшей из крана в стене.

— Видите, как скромны мои собственные вкусы, — заметил Рафлз Хоу, вытирая полотенцем лицо и волосы. — Это единственная комната во всем моем громадном доме, где я чувствую себя в родной мне обстановке. Здесь мне уютно. Здесь я могу почитать, выкурить трубку в тишине и покое. Всякая роскошь мне противна.

— Вот как! Право, я никак не предположил бы...

— Это сущая правда, уверяю вас. Видите ли, даже вы, с вашим взглядом на богатство, взглядом весьма разумным и делающим вам честь, даже вы должны признать, что, если человек обладает несметным... ну, скажем лучше, значительным богатством, прямая его обязанность пустить свои деньги в обращение, и притом с пользой для общества. Вот весь секрет моих пышных перьев. Мне приходится пускать в ход всю свою изобретательность, чтобы истратить доходы, действуя в границах узаконенного. Очень легко, например, просто раздавать деньги кому попало; таким способом я, несомненно, быстро избавился бы от лишних денег или хотя бы от части их. Но я не хочу никого превращать в нищих попрошаек или причинить какой-либо другой вред людям необдуманной благотворительностью. Я должен быть уверен, что истраченные мною деньги приносят соответствующую пользу. Вам понятна моя мысль?

— Абсолютно. Хотя, признаться, для меня ново слышать жалобы человека на то, что он затрудняется найти применение своим капиталам.

— Уверяю вас, для меня это действительно серьезная трудность. Но я кое-что придумал: у меня родились довольно интересные планы. Не желаете ли вымыть руки? Нет? В таком случае, хотите посмотреть еще что-нибудь в моем доме? Пройдите, пожалуйста, вон в тот угол комнаты и сядьте там в кресло, вот так. Теперь я сяду рядом в другое кресло, и мы готовы к отбытию.

Угол комнаты, где они теперь сидели, футов на шесть в обе стороны был окрашен в темно-шоколадный цвет; выступавшие из стены два крытых красным плюшем сиденья резко контрастировали с остальной обстановкой комнаты.

— Это лифт, — пояснил Рафлз Хоу. — Он вмонтирован в стену, и, если бы не иная окраска, вы бы и не угадали, где он находится. Лифт устроен таким образом, что может двигаться и в вертикальном и в горизонтальном направлениях. Вот ряд кнопок, на них указаны различные помещения. Видите? «Столовая», «курильная», «бильярдная», «библиотека» и так далее. Сейчас покажу, как он действует в вертикальном направлении. Я нажимаю кнопку с надписью «кухня».

Роберт почувствовал легкий толчок и вдруг, не сходя с кресла, увидел, что комната куда-то пропала и на ее месте оказалась большая дубовая дверь с полукруглым верхом.

— Эта дверь ведет в кухню, — сказал Рафлз Хоу. — Кухня у меня расположена на самом верхнем этаже: терпеть не могу запахов стряпни. Мы поднялись на восемьдесят футов всего за полторы секунды. Теперь я снова нажимаю кнопку, и мы опять у меня в комнате.

Роберт, пораженный, смотрел во все глаза.

— Чудеса науки удивительнее всякого волшебства, — проговорил он наконец.

— Да, тут довольно сложный механизм. Теперь продвинемся по горизонтали. Нажимаю кнопку с надписью «столовая» — вот мы уже и прибыли. Шагните к двери, она сама распахнется перед вами.

Роберт сделал так, как ему было сказано, и вместе с хозяином очутился в большой комнате с высоким потолком, а лифт, освободившись от тяжести их тел, в ту же минуту вернулся в прежнее положение.

Ноги Роберта утопали в роскошном мягком ковре, точно он стоял по щиколотку во мху; взгляд его привлекли большие картины, развешанные по стенам.

— Неужели?.. Да, да, несомненно, это кисть Рафаэля.

Он указал на одно из полотен, висевшее как раз перед ним.

— Да, это Рафаэль — один из его шедевров. Я выдержал за него на аукционе настоящий бой с французским правительством. Картину хотели купить для Лувра, но, как всегда на аукционах, победил более толстый кошелек.

— А эта, «Арест Катилины», должно быть, Рубенс. Трудно не узнать его великолепных мужчин и бесстыдных женщин.

— Вы угадали, это Рубенс. А те две — Веласкес и Тенирс, отличные образцы испанской и нидерландской школ. Здесь у меня только старые мастера. Современная живопись — в бильярдной комнате. Мебель здесь необычная, я даже полагаю, уникальная. Она сделана из черного дерева и кости нарвала. Видите, витые ножки у столов и кресел костяные. Мебельщику стоило немалых хлопот раздобыть этот редкий материал в таком большом количестве. Любопытная подробность: китайский император сделал крупный заказ на кость нарвала для реставрации внутренней решетки какой-то древней пагоды, но я перебил его на аукционе, и «сыну неба» пришлось подождать. Вон в том углу лифт, но он нам не нужен. Пройдите, пожалуйста, в дверь. Это бильярдная комната, — продолжал он, войдя с Робертом в соседнее помещение. — Как видите, на стенах здесь картины новых больших художников: Коро, два Мейсонье, Бугро, Милле, Орчардсон, две работы Альма Тадема. Но даже как-то жаль завешивать картинами эти стены резного дуба, правда? Взгляните на тех птиц среди ветвей. Кажется, что они действительно порхают и щебечут, словно живые.

— Они восхитительны. Никогда мне не доводилось видеть такой тончайшей резьбы по дереву. Но почему вы называете эту комнату бильярдной, мистер Хоу? Я не вижу бильярдного стола.

— Это такой громоздкий и неудобный предмет — всегда мешает, когда вы в нем не нуждаетесь. Вот поэтому стол у меня скрыт под площадкой полированного клена, она перед вами на полу. Смотрите, я ставлю ногу на этот моторчик...

Не успел он закончить фразы, как центральная часть пола поднялась кверху, и великолепный, инкрустированный черепахой стол поднялся на высоту в четыре фута. Рафлз Хоу нажал вторую пружину, и в то же мгновение и таким же образом появился второй, на этот раз карточный, стол.

— Но это все пустяки, — заметил хозяин. — Вот в моем музее может сыскаться для вас что-нибудь поинтереснее.

Он провел гостя в следующую комнату, обставленную в античном стиле и всю увешанную редчайшими и богатейшими драпировками и коврами. На мраморном мозаичном полу были раскиданы ценные меховые шкуры. Мебели в комнате было немного, лишь вдоль стен стояли шкафчики в стиле Людовика XIV; они были из черного дерева и отделаны серебром и изящными, тонко расписанными фарфоровыми медальонами.

— Возможно, комната эта и не заслуживает названия музея, — снова заговорил Рафлз Хоу. — Это всего-навсего собрание кое-каких изящных безделушек, я добывал их в самых разнообразных местах. Наиболее интересное здесь — драгоценные камни. Думаю, тут я мог бы соперничать с любой частной коллекцией. Я держу их на запоре, чтобы не вводить в искушение слуг.

Он снял с часовой цепочки серебряный ключ и стал отпирать и выдвигать ящики в шкафчиках. У Роберта вырвался невольный крик изумления и восторга; он переводил глаза от одного ящика к другому: в них лежали великолепнейшие драгоценные камни. Глубокое, ровное красное пламя рубинов, зеленые вспышки прозрачных изумрудов, ослепительное

сверкание бриллиантов, тончайшие переливы бериллов, аметистов, ониксов, кошачьего глаза, опалов, агатов, сердоликов, казалось, наполнили всю комнату легкими многоцветными, мерцающими огнями. Длинные пластинки прекрасной голубой ляпислазури, превосходные гелиотропы, розовые, красные и белые кораллы, длинные нити светлого жемчуга — все это владелец их небрежно высыпал из ящичков, словно мальчуган свои мраморные шарики.

— Вот этот неплох, — заметил он, поднимая в руке золотистый кусок янтаря размером с человеческую голову. — Мне прислал его мой агент из Прибалтики. Чрезвычайно редкий экземпляр. Весит двадцать восемь фунтов. Мне не приходилось слышать о более крупном. Бриллианты у меня не особенно велики — их не было на рынке, — но, в общем, довольно хороши. Красивые игрушки. Вам нравятся?

Он взял в обе горсти изумруды, затем медленно высыпал их обратно в ящик.

— Боже ты мой! — вырвалось у Роберта. Он переводил взгляд с одного ящичка на другой. — Ведь уж одно это — огромное состояние! Такая великолепная коллекция, должно быть, стоит не меньше ста тысяч фунтов!

— Вы, как я вижу, не большой знаток камней, — засмеялся Рафлз Хоу. Всего один ящичек с бриллиантами и тот нельзя приобрести за названную вами сумму. У меня в памятной книжке записано все, что я истратил на приобретение ценностей для коллекции, — впрочем, специальные мои агенты по закупке драгоценных камней в ближайшие же недели значительно увеличат эту сумму. Сейчас посмотрим. Так... На жемчуга истрачено сто сорок тысяч, на изумруды — семьсот пятьдесят, на рубины — восемьсот сорок... Бриллианты девятьсот двадцать. Ониксы... У меня есть неплохие ониксы... двести тридцать. Карбункулы, агаты... Гм... Да, всего ровно четыре миллиона семьсот сорок тысяч. Для ровного счета, если учесть накладные расходы, скажем, пять миллионов.

— Господи! — воскликнул молодой художник, широко раскрыв глаза от удивления.

— Поймите, я почитаю это своим долгом. Отделка, шлифовка, продажа драгоценных камней — профессии эти целиком зависят от богатства. Если их не поддержать, они заглохнут, а это многим людям грозит нищетой. То же самое относится и к ювелирным работам по золоту — помните экраны во дворе? Богатство обязывает, поощряет подобные искусства и ремесла — долг богатого человека. Посмотрите, вот славный рубин. Он с Бирмы. Это пятый по величине из всех существующих в мире. Я склонен думать, что без шлифовки он был бы вторым по величине, но, конечно, шлифовка сильно уменьшает размер камня.

Он подержал двумя пальцами сверкающий красным пламенем рубин величиной с каштан, затем небрежно бросил его обратно в ящик.

— Пройдем в курительную, — предложил он. — Вам следует немного подкрепиться. Осмотр достопримечательностей, говорят, самое утомительное занятие на свете.

Глава IV ИЗ СТРАНЫ В СТРАНУ

Комната, в которой теперь очутился совершенно ошеломленный всем виденным Роберт, оказалась, может быть, не столь богатой, но еще более роскошно обставленной, чем те, в которых он уже побывал. По пышному восточному ковру в обдуманном беспорядке были разбросаны козетки, обитые светло-красным плюшем. Тут стояли также мягкие кушетки, оттоманки, диваны, американские качалки — удобная мебель на любой вкус. Одна из стен была стеклянной, за ней, очевидно, был роскошный зимний сад. В дальнем конце комнаты находился двойной ряд золоченых стенов с множеством последних номеров различных журналов. По обе стороны украшенного мозаикой камина на специальных полках расположились десятки всевозможных курительных трубок: английские черешневые, французские терновые, немецкие фарфоровые, резные пенковые трубки, трубки из

душистого кедра, восточные наргиле, турецкие чубуки и два больших кальяна в оправе из золота. Вдоль стен висели в три ряда небольшие закрытые ящички; на каждом из них была табличка из слоновой кости с обозначением сорта табака. Выше помещались шкафчики побольше из полированного дуба — в них были сигары и папиросы.

— Испытайте-ка мой дамасский диван, — пригласил хозяин, сам усевшись в кресло-качалку. — Он сделан поставщиком самого султана. Турки отлично понимают, что такое комфорт. Я заядлый курильщик, мистер Макинтайр, поэтому тут я мог давать советы архитектору, здесь все больше по моему вкусу, чем в остальных помещениях. В картинах, например, я ровно ничего не смыслю, как вы могли бы убедиться очень скоро. А по части табака я, смею сказать, могу подать неплохой совет. Вот, скажем, эти. — Он вытащил несколько больших сигар, отлично свернутых, мягкого, светло-коричневого оттенка. — Несколько необычные. Попробуйте.

Роберт закурил предложенную ему сигару и с наслаждением откинулся на пышные подушки, разглядывая сквозь голубые душистые облака дыма загадочного человека в грязной куртке, который о миллионах говорил так, как другой говорит о шиллингах. Бледное лицо, грустный, усталый взгляд, понурые плечи — казалось, он сгибался под тяжестью собственного богатства. В его разговоре, в манере держаться сквозило что-то вроде немой мольбы о прощении, какое-то чувство виноватости, что так не вязалось с могуществом, которым он обладал. Вся фантастическая встреча чрезвычайно заинтересовала и взволновала Роберта. Его душа артиста нежилась в атмосфере неслыханной роскоши и комфорта; он отдавался чувству покоя и полнейшего довольства, какого никогда доселе не испытывал.

— Что же мы выпьем — кофе, рейнвейн, токайское? Или, может быть, что-нибудь покрепче? — спрашивал Рафлз Хоу, протянув руку к выступавшей из стены доске с клавишами, напоминавшей клавиатуру рояля. — Рекомендую токайское. Меня снабдил им поставщик австрийского императора, и, полагаю, лучшие вина достались не императору, а мне.

Он дважды нажал клавишу на доске. Через несколько секунд, резко щелкнув, одна из панелей в стене откинулась, в образовавшемся отверстии оказался небольшой поднос, на котором стояли два высоких узких бокала венецианского стекла, наполненные вином.

— Механизм, как видите, действует неплохо, — сказал Рафлз Хоу. Совершенно новое устройство, насколько мне известно. Видите, на клавишах написаны названия различных вин? Нажав на клавишу, я включаю электрический ток, под действием которого кран в погребе останется открытым ровно столько, сколько необходимо, чтобы наполнить стоящий под краном бокал. Бокалы помещаются на вращающемся цилиндре, так что один бокал всегда стоит наготове под краном. Затем он движется по пневматической трубе, которая приводится в действие тяжестью наполненного вином бокала. Не правда ли, забавная выдумка? Но, боюсь, я нагоняю на вас скуку всеми этими пустяками. Просто это моя слабость — механизировать все, что можно.

— Напротив, я преисполнен любопытства и изумления, — с жаром заверил его Роберт. — Мне кажется, будто меня вдруг перебросили из старой, прозаической Англии куда-то на Восток, во дворец джиннов. Если бы я не видел все это собственными глазами, я бы не поверил, что можно все так устроить, так освободить жизнь от тысячи ее досадных, мелких неудобств.

— Я покажу вам еще кое-что достойное внимания, — сказал Рафлз Хоу. Но отдохнем здесь несколько минут, мне бы хотелось немного с вами побеседовать. Ну, как сигара?

— Превосходна!

— Она была свернута в Луизиане еще во времена рабства. Теперь таких уже не делают. Человек, продавший их мне, не знал подлинной их стоимости. Я купил эти сигары по несколько шиллингов за штуку. А теперь я хотел бы попросить вас об одном одолжении, мистер Макинтайр.

— Буду очень рад.

— Теперь вы более или менее ясно представляете мое положение. Я здесь совершенно

чужой. С людьми из зажиточных классов у меня мало общего. Я не светский человек. Я не люблю наносить визиты, не люблю принимать визитеров. Я ученый-любитель, человек самых скромных потребностей. У меня нет ни малейшего стремления блистать в обществе. Вы меня понимаете?

— Да, разумеется.

— С другой стороны, жизненный опыт показал мне, что труднее всего найти себе друга среди людей не столь богатых, то есть, я хочу сказать, тех, кто жаждет увеличить свои доходы. Они очень ценят ваше богатство и очень мало вас самих. Я уже испытал это на себе, я знаю, как это бывает.

Он умолк и взъерошил пальцами редкую бородку.

Роберт Макинтайр кивнул головой в знак полного понимания и согласия.

— Теперь вы видите, — снова начал Рафлз Хоу, — от богатых меня отвращают мои собственные склонности, а от тех, кто беден, — то, что я не доверяю их искренности, и потому оказываюсь в одиночестве. Не то чтобы я боялся одиночества, нет, я к нему привык. Но это сужает поле моей полезной деятельности. Я лишаясь возможности получать достоверные и непосредственные сведения о людях, которым мог бы помочь. Я рад, что встретил сегодня здешнего викария, по-видимому, человека совершенно бескорыстного и честного. Он будет одним из посредников, связывающих меня с внешним миром. Могу я просить вас стать для меня вторым таким посредником?

— Буду счастлив! — с готовностью откликнулся Роберт.

Предложение это наполнило его восторгом: оно давало ему почти официальное право на вход в этот земной рай. Ему только того и надо было.

— По счастью, из нашего разговора я узнал, как благородны ваши взгляды в вопросе о деньгах и до какой степени вам чуждо стяжательство. Вы, наверное, заметили, как я вначале был резок, почти груб с вами? У меня есть основания бояться и подозревать всех случайных знакомых. Слишком часто оказывалось, что встречи со мной были подстроены заранее с самыми неблагоприятными целями. Боже ты мой, что бы только я мог вам порассказать! Однажды я оказался свидетелем того, как за девушкой гнался бык. Рискуя жизнью, я бросился ей на помощь, а потом узнал, что все это было подстроено матушкой и дочкой, — быка взяли напрокат, и вся сцена была задумана как эффектная завязка знакомства. Но не буду подрывать вашу веру в людей. Мне самому пришлось пережить довольно тяжкие разочарования. Может, поэтому я и смотрю на всех предвзято. Тем нужнее мне человек, совету которого я мог бы довериться.

— Вы только скажите, в чем может быть вам полезен мой совет, и я с величайшей охотой помогу вам, — заверил его Роберт. — Сам я родом из Бирмингема, но знаю почти всех здешних жителей, знаю положение каждого.

— Именно это мне и нужно. Деньги могут принести много добра, но и много зла. Я буду обращаться к вам за советом в сомнительных случаях. Кстати, у меня есть один небольшой вопрос. Скажите, знакома ли вам девушка — брюнетка с серыми глазами, с тонкими, правильными чертами лица? Когда я встретил ее, на ней было синее пальто с барашковым воротником и манжетами.

Роберт усмехнулся про себя.

— Я отлично знаю это синее пальто: вы говорите о моей сестре Лауре.

— Это ваша сестра? Да что вы! Впрочем, теперь я и сам вижу, конечно, есть сходство. Я встретил ее на днях, и мне захотелось узнать, кто она. Сестра, конечно, живет вместе с вами?

— Да. Мы живем втроем в «Зеленых Вязах»: сестра, отец и я.

— Надеюсь иметь честь познакомиться со всей вашей семьей. Вы кончили курить? Не желаете ли еще сигару или, может быть, трубку? Настоящий курильщик всегда предпочтет трубки. У меня здесь почти все сорта табака. Каждый понедельник запас в ящиках пополняется, а в субботу табак поступает в распоряжение стариков из дома призрения, поэтому табак у меня всегда свежий. Ну, если больше не угодно курить, пойдём посмотрим

кое-какие другие мои выдумки. В соседней комнате оружейная, а за ней библиотека. Собрание книг у меня ограниченное, немногим больше ста тысяч томов. Но подбор не совсем обычный. У меня есть библия пятого века, полагаю, уникальная; есть *Biblia Pauperum*² тысяча четыреста тридцатого года; манускрипт «Книги Бытия» на тутовых листьях относится, по всей вероятности, ко второму веку; есть рукописный экземпляр «Тристана и Изольды» восьмого века. Есть несколько сотен старопечатных книг, среди них пять отличных экземпляров Шеффера и Фуста.³ Но все это вы можете посмотреть, полистать в любой дождливый день, когда у вас не будет более интересных занятий. А сейчас я покажу вам одно интересное устройство, связанное с курительной комнатой, оно, вероятно, вас позабавит. Возьмите еще сигару. Теперь пересядем вон на тот диван в дальнем углу.

Диван стоял в нише и был с трех сторон и сверху окружен кристально-прозрачными стеклянными стенками. Когда оба они сели, Рафлз Хоу потянул за шнур, и тотчас позади них опустилась четвертая стенка: они оказались как бы в большом ящике из такого чистого, столь тщательно отшлифованного стекла, что его почти не было заметно. Внутри этой маленькой прозрачной камеры свисали сверху золотые шнуры с хрустальными ручками; шнуры выходили наружу и, по-видимому, были соединены с длинной блестящей металлической полосой, находящейся снаружи.

— Ну, где бы вы предпочли выкурить сигару? — спросил Рафлз Хоу, и в его серьезных глазах мелькнул веселый огонек. — Может, отправимся в Индию, или в Египет, или в Китай, или...

— В Южную Америку, — пошутил Роберт.

Что-то мигнуло, послышался рокот колес. Роберт почувствовал, что стеклянная комнатка движется, и — что это?.. Молодой художник озираясь кругом в полнейшем недоумении. Со всех сторон их окружали гигантские папоротники и пальмы, увитые длинными ползучими лианами, орхидеи ослепительно яркой окраски. Курительная комната, дом, Англия — все исчезло, и Роберт сидел на диване где-то в гуще девственного леса на берегу Амазонки. Это была не просто иллюзия, оптический обман. Он видел, как с земли поднимаются горячие испарения от тропических растений, как падают тяжелые капли влаги с огромных зеленых листьев, ясно различал узор толстой коры на стволах деревьев. А над головой бесшумно скользила по суку пестрая зеленая змея, из древесной листвы вылетел яркий попугай и снова скрылся в зелени. Онемев от изумления, Роберт поворачивал голову во все стороны и, наконец, встретился взглядом с сидевшим рядом с ним хозяином в глазах Роберта было удивление, смешанное со страхом.

— В доброе старое время сжигали на костре за более невинные шутки, смеясь от души, проговорил Рафлз Хоу. — Ну как, хватит с вас Амазонки? Не перебраться ли в Египет?

Вновь послышался шум какого-то механизма, все мгновенно переменялось, и вот, насколько хватал глаз, вокруг раскинулась бесконечная пустыня. На переднем плане теснилось друг к другу пять пальм, у основания их росли колючие, напоминающие кактус растения. В стороне стоял серый, грубо обтесанный обломок скалы, низ у него был высечен в форме огромного жука-скарабея. На поверхности этого древнего камня резвились ящерицы. А в бесконечную даль уходили желтые пески, и на горизонте мерцала дымка миража.

Роберт ухватился за край дивана и бросал по сторонам ошеломленные взгляды.

— Мистер Хоу, я ровно ничего не понимаю!..

— Сильное впечатление, не правда ли? Эта египетская пустыня излюбленное мое убежище, сюда я скрываюсь, когда мне хочется покурить и предаться на досуге размышлениям. Странно, что табак завезен к нам с делового, практического Запада. Так и

² «Библия бедных» (лат.) — собрание иллюстраций на библейские сюжеты с пояснительными текстами.

³ Шеффер и Фуст — немецкие первопечатники (XV в.)

кажется, что его родина — томный, мечтательный Восток. Но, может быть, для разнообразия вам хотелось бы перенестись в Китай?

— Нет, только не сегодня, — сказал Роберт, проводя рукой по лбу. — От всех этих чудес у меня голова кругом идет, и, право, я испытал нечто вроде нервного потрясения. Кроме того, мне пора вернуться в «Зеленые Вязы», наш прозаический дом, если только я смогу найти туда дорогу из этой пустыни, куда вы меня умчали. Но, мистер Хоу, разрешите мое недоумение: в чем тут секрет?

— Это просто забава, хитрая игрушка, и только. Сейчас я вам все объясню. От курительной идет длинная анфилада очень больших оранжерей. В каждой поддерживается особая температура и степень влажности, так, чтобы воспроизвести в точности климат Египта, Китая и других стран. Наша стеклянная камера — это просто трамвай, движущийся почти бесшумно по стальным рельсам. С помощью шнуров я направляю ход нашего трамвая, и он идет, как вы заметили, с поразительной скоростью. Эффект еще усиливается тем, что потолки в оранжереях очень умело расписаны под небо, и повсюду обитают птицы и другие живые существа, которые, кстати сказать, чувствуют себя в этой искусственной обстановке не хуже, чем на родине. Вот вам весь секрет нашего путешествия в Южную Америку.

— А как же египетская пустыня?

— Да, здесь несколько сложнее. У меня работал лучший французский специалист по декорациям. Он написал весь идущий по окружности фон. Пальмы, кактусы, обелиск — это все, конечно, настоящее, так же как и песок, который тянется ярдов на пятьдесят, и я готов держать пари, что самый зоркий человек не отличит, где кончается настоящий песок и начинается иллюзия песка. Это обычный и даже довольно дешевый прием, используемый в круглой панораме, но только все очень тщательно выполнено. Что еще осталось для вас непонятным?

— Стеклянная камера. Для чего ее стены из стекла?

— Чтобы мои гости не чувствовали резкой перемены температуры. Я оказывал бы плохое гостеприимство, если б они возвращались в курительную, промокнув насквозь и схватив жестокий насморк. Стекло прогрето, иначе на нем осела бы влага и казалось бы, что все затянуто туманом. Но вы действительно спешите? В таком случае вот мы и снова в курительной. Надеюсь, ваш визит далеко не последний. И, если позволите, я с большой охотой побываю у вас в «Зеленых Вязах». Прошу вас, выход через музей.

Когда после благовонной, теплой атмосферы великолепного дворца Роберт Макинтайр вновь очутился в резком, колющем холоде английского зимнего вечера, у него было такое чувство, словно он надолго уезжал в дальние края. Протяженность времени измеряется нашими впечатлениями, и так живы, так новы были впечатления Роберта, что ему казалось, будто уже много недель прошло с момента встречи на дороге с прокопченным «механиком». Голова у Роберта шла кругом, мысли неслись вихрем, он был словно одурманен безмерным богатством, колоссальным могуществом этого необыкновенного человека. Как мал, как убог показался ему их дом, когда Роберт переступил его порог, недовольный самим собой и всем окружающим.

Глава V ПРОСЬБА ЛАУРЫ

В тот же вечер после ужина Роберт Макинтайр выложил отцу и сестре все, что ему довелось увидеть. Он был так переполнен впечатлениями, что ему не терпелось ими поделиться. Поэтому скорее ради собственного удовольствия, чем из желания доставить удовольствие близким, он живо обрисовал виденные им чудеса, несметные богатства, сокровищницу драгоценных камней, золото, мрамор, необычайные механические устройства, бьющую через край роскошь, полное пренебрежение к расходам, которое сказывалось во всем. Целый час он в самых красочных выражениях расписывал эти чудеса и

под конец не без гордости сообщил о просьбе, с какой обратился к нему Рафлз Хоу, и о том полнейшем доверии, которое ему, Роберту, было оказано.

Рассказ Роберта подействовал на его слушателей совершенно по-разному. Старик Макинтайр откинулся на спинку стула, ядовитая усмешка искривила его губы, кожа на худом лице собралась в тысячи морщинок, глазки заблестели от зависти и жадности. Он с такой силой сжал край стола тощей желтой рукой, что при свете лампы суставы на пальцах казались совсем белыми. Лаура, напротив, вся подалась вперед, губы у нее полураскрылись, щеки порозовели — она впитывала в себя каждое слово брата. Когда он поочередно взглянул на отца и сестру, ему показалось, что никогда еще не видел он отца таким злым, а Лауру — такой красивой.

— Да кто он, этот субъект? — спросил наконец старик после продолжительного молчания. — Надеюсь, состояние свое он нажил честным путем? На пять миллионов драгоценных камней, ты говоришь? Боже милостивый!.. И готов раздать их, только боится превратить людей в попрошаек? Можешь передать ему, Роберт, что тебе известен человек, вполне достойный и не имеющий ничего против того, чтобы его сделали попрошайкой!

— Но все же, Роберт, кто он такой? — воскликнула Лаура. — Едва ли Хоу — его настоящее имя. Может, он переодетый принц или даже король в изгнании? Да, хорошо бы полюбоваться на его бриллианты и изумруды! Я считаю, что изумруды особенно идут брюнеткам. Расскажи мне еще про этот музей, Роберт.

— Я думаю, что мистер Хоу именно тот, за кого себя выдает, — сказал Роберт. — У него простые, сдержанные манеры обыкновенного среднего англичанина. Какой-нибудь особой утонченности я в нем не заметил. Он разбирается в книгах, в картинах, но ровно настолько, чтоб оценить их прелесть, не больше. Нет, по-моему, он человек нашего круга и положения, но получивший по наследству огромное богатство. Конечно, мне судить трудно, но все то, что я видел сегодня — дом, картины, драгоценности, книги и все остальное, — меньше чем за двадцать миллионов не купишь, я даже уверен, что и этого будет недостаточно.

— Я знал когда-то одного Хоу, — сказал старик Макинтайр, барабанив пальцами по столу. — Он был у меня старшим мастером в цехе по изготовлению патронных гильз. Но это был пожилой, одинокий человек. Ну, во всяком случае, будем надеяться, что все это добро досталось твоему Хоу не мошенничеством, деньги, надеюсь, ничем не запятнаны.

— И он в самом деле придет к нам? — Лаура захлопала в ладоши. Скажи, Роберт, ну как ты думаешь, когда? Смотри предупреди меня заранее. А вдруг завтра, как ты думаешь?

— Право, не могу сказать тебе.

— Я просто жажду его увидеть. Никогда в жизни мне ничего не хотелось так сильно!

— А, ты получила письмо, — сказал вдруг Роберт. — От Гектора, конечно, судя по иностранной марке. Ну, как он там?

— Письмо пришло только сегодня вечером, я его еще не читала. Сказать по правде, я так увлеклась твоими рассказами, что совершенно про него забыла. Бедняга Гектор! Письмо с Мадейры. — Она бегло проглядела четыре страницы, исписанные неровным, ребячьим почерком молодого моряка. — У него все благополучно. Корабль попал в шторм в пути и тому подобное, но теперь у него все в порядке. Рассчитывает к марту вернуться. А может, он все-таки придет завтра, твой новый друг, твой рыцарь из очарованного замка?

— Едва ли так скоро.

— Если он ищет, куда бы поместить капитал, Роберт, — сказал отец, не забудь передать ему, что сейчас особенно выгодно вкладывать средства в производство оружия. С моим опытом и при капитале в несколько тысяч я обеспечу ему барыш в тридцать процентов, точно, как в банке. В конце концов должен же твой Рафлз Хоу пустить в оборот свои капиталы. Нельзя же все растратить на всякие там книги и драгоценные камни? Я, безусловно, мог бы дать ему самые практические советы.

— Он навестит нас, возможно, еще очень не скоро, отец, — холодно ответил Роберт. — И когда он придет, я едва ли позволю себе использовать дружеское его расположение ко мне

в твоих коммерческих интересах.

— Папа, мы не ниже его! — воскликнула Лаура с горячностью. — Зачем ты хочешь выставить нас перед ним в роли нищих? Он вообразит, что мы проявляем внимание к нему только из-за его денег. Я просто не понимаю, как ты можешь допускать подобные мысли!

— Если бы я не допускал подобных мыслей, мисс, на какие бы, спрашивается, средства дал я вам образование? — сердито накинута на нее старик.

Роберт тихонько вышел из комнаты. И у себя, среди своих полотен, он все еще слышал голоса из гостиной: один хриплый, другой звонкий — там шла нескончаемая семейная перебранка. Все более неприглядной казалась Роберту домашняя обстановка, в которой протекала его жизнь, все больше мечтал он о покое, который можно приобрести за деньги.

На следующее утро, едва убрали со стола после завтрака, а Роберт еще не успел приняться за работу, как раздался робкий стук в дверь — на пороге стоял Рафлз Хоу. Роберт бросился к нему навстречу, радостно его приветствуя.

— Боюсь, что я слишком ранний визитер, — произнес гость извиняющимся тоном, — но я обычно совершаю прогулку сразу после завтрака. — Во внешности его теперь не замечалось следов грязной работы, на нем был аккуратный темный костюм, волосы гладко причесаны. — Вчера вы рассказывали мне о вашей работе. Может быть, несмотря на ранний час, вы позволите побывать в вашей студии?

— Входите, мистер Хоу, прошу вас! — Роберт был приятно взволнован лестным вниманием столь щедрого мецената. — Сочту за честь показать вам те небольшие вещи, над которыми сейчас тружусь, хотя, признаться, побаиваюсь, — у вас перед глазами всегда столько настоящих шедевров! Разрешите представить вас отцу и сестре.

Старик Макинтайр отвесил глубокий поклон и потер высохшие, костлявые руки, а молодая леди, подавив возглас удивления, широко раскрытыми глазами смотрела на миллионера. Хоу сделал шаг вперед и спокойно пожал ей руку.

— Я так и думал, что это вы. Я уже имел честь встретить вашу сестру, мистер Макинтайр, в первый же день моего приезда в Тэмфилд. Мы оба прятались от метели под навесом и очень приятно беседовали.

— Я понятия не имела, что разговариваю с владельцем нового дома, сказала Лаура несколько смущенно. — Какие странные бывают совпадения!

— Я часто думал, с кем же я тогда встретился, но только вчера это стало для меня ясно. Как у вас здесь мило! А летом, должно быть, просто очаровательно! Да позвольте, если бы не тот холм, ваш дом был бы виден из моих окон!

— Да, и он не закрывал бы вид на ваши чудесные ели, — сказала Лаура, став у окна рядом с мистером Рафлзом Хоу. — Только вчера я смотрела и думала: как жаль, что существует этот холм!

— Да? Я прикажу снести его. Буду счастлив доставить вам удовольствие.

— Боже мой! — воскликнула Лаура. — Снести холм? Но куда же его девать?

— Можно его весь скрыть и насыпать в другом месте. Холм не так уж велик. Нужно только нанять несколько тысяч рабочих, снабдить их соответствующей техникой и провести железнодорожную ветку — через несколько месяцев от холма и следа не останется.

— А как же дом нашего бедного викария? — спросила Лаура смеясь.

— Ну, это не встретит особых затруднений. Мистеру Сперлингу можно будет предложить взамен такое же точно жилище, и еще более для него удобное. Ваш брат подтвердит, что я большой мастер проектировать здания. Нет, серьезно, если вы считаете, что холм вам мешает, я приму меры и его снесут.

— Нет, мистер Хоу, ни за что на свете! Я оказала бы плохую услугу жителям Тэмфилда, если бы стала внушать вам такую идею. Ведь холм единственное, что придает Тэмфилду хоть некоторое своеобразие! Я оказалась бы отъявленной эгоисткой, если бы хотела уничтожить холм только для того, чтобы украсить вид из окон нашей гостиной.

— Наш дом, мистер Хоу, это просто конура, — заговорил старик Макинтайр. — Вы, наверное, чувствуете себя здесь как в коробке, после вашего величественного дворца, о

котором сын рассказывает самые невероятные вещи. Но мы не всегда так жили, мистер Хоу. Теперь я существую более чем скромно, а было время, и не так давно, когда я мог предъявить в банк чек на сумму не меньшую, чем любой другой фабрикант оружия в Бирмингеме. Это было...

— Папочка, наш милый, старенький ворчун! — воскликнула Лаура, ласково обняв отца.

Старик вскрикнул, и лицо у него исказилось гримасой боли, однако он попытался скрыть ее за притворным кашлем.

— Не подняться ли нам наверх? — поспешно предложил Роберт, стремясь отвлечь внимание гостя от маленького семейного инцидента. — Моя студия настоящая мансарда художника: она под самой крышей. Разрешите, я проведу вас туда, мистер Хоу?

Оставив Лауру и мистера Макинтайра-старшего в гостиной, они поднялись в мастерскую Роберта. Мистер Хоу долго стоял перед «Подписанием Великой хартии вольностей» и «Убийством Фомы Кентерберийского», щуря глаза и нервно пощипывая бородку; Роберт с беспокойством ждал.

— Сколько вы за них хотите? — обратился к нему наконец мистер Хоу.

— Я оценил их по сто фунтов за каждую, когда посылал в Лондон на выставку.

— В таком случае лучшее, что я могу вам пожелать, это чтобы наступил день, когда вы будете рады уплатить вдесятеро, только бы получить свои работы обратно. Я убежден, что у вас большие способности, и вижу, что в отношении композиции и смелости замысла вы уже достигли многого. Но рисунок у вас, если позволите быть откровенным, несовершенен, и в цвете вы не сильны. Так вот, мистер Макинтайр, предлагаю вам сделку. Я знаю, вы равнодушны к деньгам, но все же, как вы сами сказали при нашей первой встрече, человеку надо на что-то существовать. Я покупаю у вас обе картины по назначенной вами цене на том условии, что за вами сохраняется право выкупить их, как только пожелаете, за ту же сумму.

— Право, вы так добры!.. — Роберт не знал, радоваться ли ему продаже картин или обидеться на не очень лестные замечания покупателя.

— Разрешите сразу же написать вам чек, — продолжал Рафлз Хоу. — Вот я вижу перо и чернила. Сегодня же вечером пришло за своей покупкой двоих лакеев. Не беспокойтесь, я сберегу ваши произведения. Когда вы станете знаменитостью, они будут цениться как образцы вашей ранней манеры.

— Поверьте, мистер Хоу, я чрезвычайно вам обязан, — сказал Роберт, пряча чек в записную книжку. Прежде чем свернуть его, молодой художник успел взглянуть на проставленную в нем цифру в смутной надежде, что богач с прихотями, быть может, пожелал дать ему более высокую цену, чем та, которую он сам назвал. Но нет, там значилось ровно «двести фунтов». В душу Роберта закралось неясное ощущение, что репутация бессребреника имеет и неприятную сторону. Жаль, что в присутствии Рафлза Хоу у него сорвалось тогда с языка несколько необдуманных слов, ведь они были не столько продиктованы убежденностью, сколько явились реакцией на отцовскую меркантильность.

— Надеюсь, мисс Макинтайр, — сказал Рафлз Хоу, когда они с Робертом снова спустились в гостиную, — вы окажете мне честь и придете посмотреть мои коллекции. Ваш брат, я думаю, охотно будет вас сопровождать, или, может быть, ваш отец не откажет в любезности посетить мой дом.

— Приду с большим удовольствием, мистер Хоу, — ответила Лаура, подарив ему свою самую милую улыбку. — Но сейчас у меня много времени отнимают заботы о бедняках, которым в такие холода приходится еще труднее, чем всегда.

Роберт поднял брови: он впервые слышал о благотворительной деятельности сестры, но мистер Рафлз Хоу одобрительно кивнул головой.

— Роберт рассказывал нам о ваших чудесных оранжереях, — продолжала Лаура. — Хорошо бы разместить в одной из них наших бедных прихожан, чтобы они там побыли в тепле.

— Ничего нет проще. Боюсь только, не покажется ли им потом еще труднее, когда

придется снова вернуться в свои дома. У меня только что закончилась постройка одной новой оранжереи, я еще не успел показать ее вашему брату. Думаю, она будет самой подходящей: это уголок индийских джунглей, там жарко в полном смысле этого слова.

— Ах, как мне хотелось бы побывать в индийских джунглях! воскликнула Лаура, хлопая в ладоши. — Увидеть Индию — моя давнишняя заветная мечта. Я так много о ней читала — о ее храмах, лесах, великих реках и тиграх. Вы не поверите, мистер Хоу, но я еще никогда в жизни не видела настоящего тигра — только на картинках!

— Это легко исправить, — спокойно улыбнувшись, сказал мистер Хоу. Вам хочется увидеть живого тигра?

— Да, ужасно хочется!

— Я вам его пришлю. Позвольте... Сейчас около двенадцати. До часа я успею протелеграфировать в Ливерпуль. Там есть человек, занимающийся такими вещами. Завтра утром, полагаю, тигра уже пришлют. Итак, надеюсь видеть вас у себя в ближайшее время. Я у вас засиделся, а мне еще предстоит несколько часов провести в лаборатории. У меня строгий распорядок дня.

Он сердечно пожал всем руки и, закулив в дверях трубку, вышел из дому.

— Ну, что вы скажете? — спросил Роберт.

Все трое провожали глазами удалявшуюся по снегу темную фигуру.

— Ему нельзя доверять деньги, прямо как младенцу! — визгливо крикнул старик. — Я еле сдержался, едва он начал болтать чепуху об уничтожении холмов, покупке тигров и прочий вздор, и это когда честные люди лишены возможности развернуть свои способности и вершить настоящие крупные дела и им только не хватает небольшого капитала! Это просто безбожно, вот как я это называю!

— Он очарователен — вот мое мнение! — сказала Лаура. — Не забудь, Роберт, ты обещал взять нас с собой посмотреть его дом. Он сам пожелал, чтобы мы его навестили в ближайшее время. Как ты думаешь, не пойти ли сегодня же вечером?

— Нет, Лаура, это неудобно. Положись на меня — я все устрою. А теперь надо пойти поработать, зимой так быстро темнеет.

Ночью, когда Роберт уже лег в постель и начал дремать, он вдруг почувствовал, как его кто-то тронул за плечо. Он приподнялся и увидел, что у постели в белой сорочке и в шали, накинутой на плечи, вся залитая лунным светом стоит сестра.

— Роберт, дорогой, — зашептала она, наклонясь над ним. — Я хотела кое о чем тебя попросить, но мне все время мешал папа. Ты обещаешь исполнить мою просьбу, Роберт?

— Конечно, Лаура. Что за просьба?

— Ты знаешь, дорогой, как я не люблю, когда обсуждают мои личные дела. Если мистер Рафлз Хоу заговорит обо мне и станет задавать какие-нибудь вопросы, не говори ему ничего о Гекторе. Ты сделаешь, как я прошу тебя, ты не откажешь твоей сестренке?

— Разумеется, раз ты этого хочешь.

— Какой ты милый, Роберт!

Лаура кинулась к брату и нежно его поцеловала. Она редко проявляла такие чувства, и Роберт потом, уже засыпая, долго недоумевал, не зная, как объяснить поведение сестры, пока, наконец, не заснул.

Глава VI НЕОБЫЧАЙНЫЙ ГОСТЬ

На следующее утро после визита Рафлза Хоу семья Макинтайр сидела за столом и завтракала, как вдруг, к их удивлению, со стороны деревни донесся шум и гул голосов. Шум становился все явственнее, и вдруг к садовой ограде подлетели два закусивших удила коня — они били копытами, вставали на дыбы, прядали ушами, в глазах у них светился страх. Коней еле удерживали под уздцы два конюха; третий со всех ног бросился по усыпанной

гравием дорожке к дому. Не успели еще Макинтайры сообразить, что все это значит, как в столовую ворвалась Мэри, служанка, с выражением ужаса на круглом веснушчатом лице.

— Прошу прощения! — взвизгнула она. — Мисс Лаура! Ваш тигр приехал!

— Господи! — воскликнул Роберт, кидаясь к двери с недопитой чашкой в руке. — Это уж слишком! Полюбуйтесь, вон железная клетка на колесах, и в ней скачет огромный тигр. И, конечно, сбежалась вся деревня.

— Он не в своем уме! — закричал старый Макинтайр. — Да это сразу было видно! На деньги, какие он потратил на этого зверя, я мог бы начать большое дело! Ну, слыхано ли такое? Велите кучеру везти клетку в полицию.

— Ни в коем случае, папа! — заявила Лаура, с достоинством вставая из-за стола и окутывая плечи шалью. Глаза у нее сияли, щеки разругались, у нее был вид торжествующей королевы.

Роберт, все еще держа чашку в руке, забыл про странного гостя в клетке: он залюбовался красотой сестры.

— Мистер Рафлз Хоу прислал тигра из любезности ко мне, — проговорила она, плавной походкой направляясь к двери. — Я считаю это знаком большого ко мне внимания. Я непременно выйду и посмотрю на тигра.

— Прошу прощения, сэр, — сказал появившийся в дверях кучер. — Нам никак не сдержать коней.

— Давайте все выйдем и посмотрим, — предложил Роберт.

Макинтайры подошли к ограде: по ту сторону ее стояла вся деревня, от школьников до седых стариков из дома призрения, — все изумленно глядели на невиданное зрелище. Тигр, длинный, гибкий, грозного вида зверь, с горящими зелеными глазами, крадущимися шагами кружил по клетке, ударяя себя по бокам хвостом и тычась мордой в железные прутья.

— Какие вам даны распоряжения? — спросил Роберт у кучера.

— Тигр приехал из Ливерпуля специальным экспрессом, сэр. Поезд подтянули к Тэмфилду, он стоит на станции, ждет, чтобы забрать зверя обратно. Служащие на станции оказали ему такой почет, будто это не тигр, а какая-нибудь королевская особа. Нам приказано отвезти его обратно, как только вы скажете. Тяжелая была работка, сэр, просто руки вывихнули, когда сдерживали коней.

— Чудное, прелестное создание! — восклицала Лаура. — Сколько в нем грации, изящества! Просто не понимаю, как люди могут бояться такого красавца!

— Прошу прощения, мисс, — заметил кучер, притрагиваясь рукой к козырьку кожаного картуза. — На станции он просунул лапу между прутьями, и, не успей я вовремя оттащить моего приятеля Билла, он угодил бы на тот свет. Прямо скажу, на волосок от смерти был!

— В жизни не видела ничего очаровательнее, — продолжала восхищаться Лаура, высокомерно пропуская мимо ушей рассказ кучера. — Я получила огромное удовольствие. Надеюсь, Роберт, ты не забудешь передать это мистеру Рафлзу Хоу при встрече?

— Кони очень беспокойны, — заметил брат. — Если ты достаточно налюбовалась на тигра, Лаура, не лучше ли отправить его на станцию?

Лаура кивнула ему все с тем же царственным видом, какой она так неожиданно приняла, Роберт крикнул конюхам — один из них вскочил на козлы, двое других отпустили поводья, и клетка с тигром покатила обратно, а за ней, изо всех сил стараясь не отставать, побежали все обитатели Тэмфилда.

— Какие чудеса могут творить деньги! — сказала Лаура, когда они все трое стояли на пороге, счищая с ботинок снег. — Кажется, нет такого желания, какое мистеру Хоу было бы не под силу выполнить.

— Твоего желания, ты хочешь сказать, — прервал ее отец. — Совсем другое дело, если бы нужно было что-нибудь сделать для старого, измученного человека, всю жизнь трудившегося для детей. Да, тут любовь с первого взгляда, это ясно.

— Ну как ты можешь говорить так грубо, папа! — воскликнула Лаура. Глаза ее,

однако, искрились, зубки блестели, по-видимому, догадка отца показалась ей не так уж неприятна.

— Бога ради, будь осторожна, Лаура! — заволновался вдруг Роберт. Мне сперва это не пришло в голову, но похоже, что отец прав. Лаура, ведь ты не свободна. А Рафлз Хоу не из тех, с кем можно играть.

— Милый мой Роберт. — Лаура положила руку ему на плечо. — Что ты понимаешь в таких делах? Занимайся лучше своей живописью да помни, что ты мне обещал вчера.

— Что за обещание, что такое? — подозрительно спросил старик Макинтайр.

— Ничего, папа, пустяки. Знай, Роберт, если ты нарушишь обещание, я не прощу тебе этого никогда в жизни!

Глава VII СИЛА ЗОЛОТА

Неудивительно, что по прошествии нескольких недель имя и деятельность таинственного владельца Нового Дома приобрели известность по всей округе, и слух о нем шел все дальше, пока не докатился до самых отдаленных уголков Уоркшира и Стаффордшира. В Бирмингеме, с одной стороны, и в Ковентри и Лемингтоне — с другой, судачили о его неслыханном богатстве, о необыкновенных причудах, о странном образе его жизни. Его имя передавалось из уст в уста, тысячи усилий были направлены на то, чтобы разузнать, кто он такой. Однако, невзирая на все эти старания, любопытным не удавалось ни выяснить хоть что-нибудь о нем самом, ни раскрыть секрет его богатства.

Неудивительно также, что вокруг имени Рафлза Хоу росли все новые легенды, ибо не проходило дня без нового доказательства его неограниченного могущества и беспредельной доброты. От сельского vicar, Роберта Макинтайра и других жителей Тэмфилда Рафлз Хоу разузнавал о нуждах деревни, и не один прихожанин, когда жизнь припирала его к стене, получал вдруг краткую записку с приложением чека, устраняющего разом все его беды и заботы. Сегодня старики в доме призрения получили по теплой двубортной куртке и паре крепких, добротных сапог, а завтра у мисс Свайр, престарелой женщины из хорошей семьи, кое-как шитьем добывавшей себе пропитание, внезапно появилась новенькая, первоклассная швейная машинка, взамен старой ножной, работать на которой мисс Свайр с ее ревматическими суставами было мучительно трудно. Бледный молодой учитель, долго и почти без отдыха бившийся с бестолковыми тэмфилдскими юнцами, получил по почте билет на двухмесячную туристскую поездку по Южной Европе и оплаченные квитанции номеров в отелях и все прочее. Фермер Джон Хэккет, мужественно боровшийся с судьбой долгих пять неурожайных лет кряду, на шестой не устоял, и к нему уже явились описывать имущество, когда неожиданно прибежал добрый vicar и, размахивая ассигнацией, сообщил, что не только вся задолженность фермера погашена, но и осталось достаточно, чтобы купить новые, усовершенствованные сельскохозяйственные машины и впредь быть увереннее в завтрашнем дне. Деревенских жителей охватывало почти суеверное чувство, когда они глядели на великолепный дом, на огромные, блестящие на солнце оранжереи и особенно, когда видели ночью его бесчисленные окна, из которых лился ослепительный электрический свет. Им казалось, что в этом громадном дворце обитает какое-то божество, невидимое, но всевидящее, обладающее безграничной силой и добротой, всегда готовое помочь и утешить. Совершая свои благодеяния, Рафлз Хоу сам оставался в тени, приятная обязанность осыпать дарами сырых и убогих выпала на долю vicar и Роберта.

Только однажды он выступил открыто — в том знаменитом случае, когда спас от краха известный банк братьев Гэрревег в Бирмингеме. Люди высокой честности, благожелательные и щедрые, оба брата, Льюис и Руперт, основали банк, отделения которого имелись теперь во всех городах четырех графств. Неудачные операции их лондонских агентов неожиданно привели к весьма крупным финансовым потерям, слух об этом как-то

просочился наружу, и это вызвало внезапные и очень опасные изъятия вкладов. Из всех сорока отделений банка летели телеграммы с настоятельными требованиями наличности как раз тогда, когда центральное здание банка в Бирмингеме осаждали встревоженные клиенты, размахивая своими сберегательными книжками и требуя выдачи денег. Братья и с ними все служащие банка держались героически, храня на лицах улыбки, а тем временем слали гонцов и телеграммы: банк пускал в ход все свои ресурсы. Весь день не прекращался поток клиентов, и, когда пробило четыре часа и банк закрылся, улица все еще была забита толпой, а в подвалах не оставалось и тысячи фунтов наличности.

— Это только оттяжка, Льюис! — проговорил Руперт с отчаянием, когда ушел последний клерк и братьям можно было, наконец, согнать застывшую улыбку с измученных лиц.

— Эти ставни никогда больше не откроются! — воскликнул Льюис, и, упав друг другу в объятия, оба вдруг разрыдались, горюя не о себе, но о тех, кто им доверился и на кого они навлекли несчастье.

Но кто осмелится сказать, что надежды нет, пока он не поведал о своей беде людям? В тот же вечер миссис Сперлинг получила от своей старой школьной подруги, жены Льюиса Гэрревега, письмо, в котором та излила все свои опасения и надежды и рассказала о свалившемся на них несчастье. Тут же из дома викария весть пошла в Новый Дом, и на следующий день, рано утром, мистер Рафлз Хоу вышел из дому с большим черным ковровым саквояжем в руках и затем каким-то образом добился, чтобы кассир местного отделения Английского банка встал из-за стола, не закончив завтрака, и открыл банк раньше обычного часа. К половине десятого возле банка братьев Гэрревег уже начала собираться толпа, но тут появился бледный, худощавый человек с большим, раздутым ковровым саквояжем и настойчиво потребовал, чтобы его провели в приемную банка.

— Ничего нельзя поделать, сэр, — смиренно сказал ему старший брат (братья стояли рядом, стараясь поддержать друг в друге мужество). — Мы бессильны. У нас почти ничего не осталось, и было бы несправедливо по отношению к другим, если бы мы вам уплатили. Можно лишь надеяться, что, когда будут исчерпаны все оставшиеся возможности, никто, кроме нас самих, не пострадает.

— Я пришел не взять, а внести деньги, — сказал Рафлз Хоу своим серьезным, как бы извиняющимся тоном. — У меня здесь с собой пять тысяч банковских ассигнаций, в сто фунтов каждая. Если вы будете так добры и примете этот вклад, я буду чрезвычайно вам обязан.

— Но, боже мой!.. — проговорил Руперт Гэрревег, запинаясь. — Разве вы, сэр, не слышали, что... Разве вы не видели? Мы не можем допустить, чтобы вы пошли на это, не зная... Как ты думаешь, Льюис?

— Да, конечно! Сейчас мы не можем посоветовать вам, сэр, воспользоваться услугами нашего банка: идет непрерывное изъятие вкладов, и мы не знаем, чем все это может кончиться.

— Ну-ну, — сказал Рафлз Хоу. — Если изъятие вкладов будет продолжаться, пошлите мне телеграмму, я добавлю еще немного. Расписку вы мне пришлете по почте. Всего доброго, господа!

Он поклонился и вышел, прежде чем изумленные братья поняли, что произошло, и успели оторвать глаза от огромного черного саквояжа и лежащей на столе визитной карточки посетителя. В Бирмингеме в тот день все обошлось благополучно, и банк братьев Гэрревег по сей день пользуется заслуженно высокой репутацией.

Эти случаи сделали Рафлза Хоу известным по всему Мидленду. Однако, несмотря на свою щедрость, он был не из тех, кого легко надуть. Тщетно канючил у его дверей здоровенный нищий, напрасно ловкий вымогатель исписывал страницу за страницей, изливая свои вымышленные горести. Роберта поражало, как безошибочно Рафлз Хоу, выслушав от него какую-нибудь трогательную историю, замечал всякое несоответствие, тотчас слышал фальшивую ноту. Если пострадавший был, по мнению Рафлза Хоу,

достаточно силен и мог сам справиться со своей бедой или таков по своей натуре, что помощь не пошла бы ему на пользу, ничего нельзя было добиться от хозяина Нового Дома. И старик Макинтайр тоже тщетно осаждал миллионера тысячами намеков и недомолвок, стараясь дать ему понять, какой злой и несправедливой оказалась участь его, бывшего фабриканта, и как легко было бы ему вернуть прежнее величие. Рафлз Хоу вежливо выслушивал, кивал, улыбался, но не проявлял ни малейшей охоты помочь озлобленному неудачами фабриканту оружия подняться на прежний пьедестал.

Но если богатство странного отшельника манило к себе попрошаек, как огонь притягивает мотыльков, оно привлекало к себе и другие, более опасные общественные элементы. В деревне стали встречаться грубые, подозрительные физиономии, за елями возле Нового Дома по ночам рыскали какие-то темные фигуры, и городская и местная полиция предупреждала, что в Тэмфилд собираются пожаловать недобрые гости. Но, как полагал Рафлз Хоу, среди многих возможностей, какие дает огромное богатство, оно обеспечивает и его защиту, в чем кое-кто скоро имел случай убедиться.

— Не хотите ли зайти ко мне? — сказал он однажды утром, заглянув в полуоткрытую дверь гостиной «Зеленых Вязов». — Покажу вам нечто забавное.

Рафлз Хоу близко сошелся с семьей Макинтайр, и редкий день проходил, чтобы они не встретились.

Все трое охотно откликнулись на приглашение, зная, что это, как всегда, сулит какой-нибудь приятный сюрприз.

— Я как-то показал вам тигра, — обратился Рафлз Хоу к Лауре, когда они входили в столовую, — а сегодня покажу зверя не менее опасного, хотя далеко не такого красивого.

В углу столовой находились особым образом расставленные зеркала, и наверху, под острым углом к ним, — еще одно большое круглое зеркало.

— Посмотрите в верхнее зеркало, — предложил Рафлз Хоу.

— Господи, какие страшные люди! — ужаснулась Лаура. — Их там двое, и я не знаю, который хуже.

— Что они там делают? — спросил Роберт. — Они как будто сидят на полу в каком-то подвале.

— Очень подозрительные личности, — заметил старик Макинтайр. Рекомендую послать за полицией.

— Уже сделано. Но сажать их в тюрьму, пожалуй, излишне: они и так уже в надежном заключении. Впрочем, законная власть должна получить то, что полагается ей по праву.

— Да кто же они и как сюда попали? Объясните нам, мистер Хоу. Нежный, почти умоляющий тон в сочетании с величественной красотой придавал Лауре особую прелесть.

— Я знаю о них не больше вашего. Вчера вечером их еще не было, а утром они оказались здесь, значит, они попали сюда ночью. Да и слуги, войдя в комнату утром, увидели, что окно открыто. А что касается профессии и намерений этих субъектов, это, я думаю, легко прочесть на их физиономиях. Красавчики, нечего сказать!

— Но я решительно не понимаю, где они находятся, — недоумевал Роберт, вглядываясь в зеркало. — Один из них бьется головой о стену. Нет, он просто пригнулся, чтобы другой мог стать ему на спину. Теперь тот уже у него на спине, свет падает ему прямо в лицо. Посмотрите, какая растерянная физиономия у этого типа! Интересно было бы сделать с него набросок. Он послужил бы мне этюдом к картине, которую я задумал. Я назову ее «Бунт».

— Это моя первая добыча и, уверен, не последняя. Я поймал их в мою патентованную ловушку для жуликов, — пояснил Рафлз Хоу. — Сейчас покажу вам ее в действии. Это — совершенно новое изобретение. Пол под нами как нельзя более прочен, но на ночь он раздвигается, разъединяется на отдельные части. Это продельвается одновременно во всех комнатах нижнего этажа с помощью центрального механизма. И тогда стоит сделать два-три шага от окна или от двери, и весь настил поворачивается на больших винтах, вы соскальзываете в нижнее помещение на мягкую подстилку и можете сколько душе угодно

бесноваться там и ждать, пока вас освободят. Посреди, между винтами, остается свободное место, куда составляется на ночь вся мебель. Пол, освободившись от веса непрошеного гостя, принимает прежнее положение, а гостю приходится сидеть внизу, и я могу в любое время поглядеть на него с помощью этого нехитрого оптического устройства. Я подумал, что вам будет любопытно взглянуть на моих пленников, прежде чем я передам их старшему констеблю, — он, кстати, уже идет по аллее к дому.

— Бедные жулики! — сказала Лаура. — Не мудрено, что у них такой озадаченный вид: они, очевидно, не понимают, где они и как туда попали. Я рада, что вы так хорошо себя охраняете, я часто думала, что вам здесь небезопасно.

— Да? — Он обернулся к ней с улыбкой. — Не тревожьтесь, дом мой вполне воронепроницаем. Правда, есть одно окно в лаборатории, среднее из трех, которое никогда не запирается, потому что служит мне входом и выходом, — признаться, я люблю иногда побродить ночью и предпочитаю ускользнуть из дому незаметно, без церемоний. Однако надо, чтобы вору очень повезло, если он изберет именно это единственное безопасное для него окно. Но даже и тут ему будет не так просто проникнуть в дом. Вот и констебль. Но вы не уходите, мисс Макинтайр. В моем домишке, может быть, найдется еще что-нибудь, чем я смогу вас развлечь. Пройдите, пожалуйста, в бильярдную, через несколько минут я присоединюсь к вам.

Глава VIII ПЛАНЫ МИЛЛИАРДЕРА

Все то утро, как и многие другие до и после него, Лаура провела в Новом Доме: рассматривала сокровища музея, любовалась драгоценными безделушками в коллекциях Рафлза Хоу; из курительной комнаты стеклянный лифт перенес ее в роскошные оранжереи — хозяин скромно следовал за ней, а она порхала, словно бабочка от цветка к цветку. Рафлз Хоу наблюдал за ней украдкой и про себя радовался ее восторгам. Единственной отрадой, какую он извлекал из своих богатств, была для него возможность сделать приятное другим.

Его внимание к Лауре Макинтайр было теперь так явно, что уже не приходилось сомневаться относительно его чувств. В ее присутствии он тотчас оживлялся и был неистощим на выдумки, только бы сделать ей приятный сюрприз, развлечь и порадовать. Каждое утро, когда в доме у Макинтайров все еще спали, лакей Рафлза Хоу приносил в «Зеленые Вязы» огромный букет прекрасных, редких цветов, чтобы украсить стол к завтраку. Малейшее ее желание, любой каприз выполнялись немедленно, если только это оказывалось в человеческих силах. Пока держались морозы, ручей, по распоряжению Рафлза Хоу, запрудили и отвели на луг только затем, чтобы устроить для Лауры каток. Когда начало таять, ежедневно к вечеру появлялся грум, ведя превосходную, с лоснящейся шерстью лошадку, — на тот случай, если мисс Макинтайр пожелает совершить верховую прогулку. Все указывало на то, что Лаура завладела сердцем затворника Нового Дома.

Лаура, со своей стороны, отлично играла свою роль. Женское чутье помогало ей угадывать оттенки настроений Рафлза Хоу и на все смотреть его глазами. Она только и говорила, что о приютах, бесплатных библиотеках, пожертвованиях, реформах. Выслушивая его проекты, она всегда умела подсказать какую-нибудь новую дельную мысль. Рафлзу казалось, что наконец-то он встретил родственную душу — вот помощница, подруга жизни, способная не только идти за ним, но и вести его по избранному им пути!

И отец и брат Лауры не могли не видеть, какой оборот принимает дело. Для старика ничего не могло быть желательней родственных отношений с таким баснословно богатым человеком, как Рафлз Хоу: это и его самого хоть как-то приближало к огромному состоянию. Блеск золота ослепил и Роберта возражения замирали у него на губах. Так сладко было прикасаться ко всем этим сокровищам хотя бы в качестве доверенного лица! Зачем ему вмешиваться и портить установившиеся приятные отношения? Сестра знает, как ей

поступать, это не его дело, а что касается Гектора Сперлинга — ну что ж, пусть сам о себе заботится. Самое лучшее — предоставить все своему течению.

Но с тех пор, как он познакомился с Рафлзом Хоу, и работа и домашнее окружение становились Роберту все более в тягость. Наслаждение от занятий живописью утратило для него свою остроту. К чему, казалось, трудиться, изнурять себя работой, чтобы получить какие-то гроши, если деньги можно достать, попросив их? Правда, он не обращался к Рафлзу Хоу ни с какими денежными просьбами, но через его руки постоянно проходили крупные суммы для передачи нуждающимся, и если бы и сам он терпел в чем-либо нужду, его новый друг, конечно, не отказал бы ему в помощи. Поэтому римские галеры на огромном холсте оставались по-прежнему в виде наброска, а Роберт проводил дни в роскошной библиотеке Нового Дома или разгуливал по окрестностям и выслушивал жалобы, чтобы потом вновь вернуться, как некий добрый, облаченный в костюм из твида, ангел, неся беднякам помощь от Рафлза Хоу. Довольно скромная роль, но вполне под стать ему, человеку слабохарактерному и беспечному.

Роберт заметил, что на миллионера нередко нападают приступы мрачного уныния, и ему не раз приходило в голову, что, быть может, огромные растроченные суммы сильно подорвали капитал Рафлза Хоу и он начинает тревожиться за будущее. Отсутствующий взгляд, нахмуренный лоб, склоненная голова — все указывало на то, что душа Рафлза Хоу отягчена заботами, и только в присутствии Лауры он как будто сбрасывал с себя груз своих тайных тревог. Ежедневно, часов по пять подряд, он запирался в своей лаборатории, предаваясь любимой науке, но по какой-то странной причуде никому, ни слугам, ни даже Лауре или Роберту, не разрешалось входить в лабораторию. День за днем он исчезал в ней и затем возвращался бледный, усталый, и шум машин и густые клубы дыма, валившие из высокой трубы, показывали, как сложны были опыты, проводимые им без помощников.

— Не могу ли я быть чем-нибудь полезен вам в вашей работе? — как-то предложил ему Роберт, когда они после завтрака отдыхали в курительной комнате. — По-моему, вы слишком утомляете себя. Я бы так охотно помог вам, я ведь немного разбираюсь в химии.

— Вот оно что! — Рафлз Хоу поднял брови. — Никак не предполагал. Склонность к искусству и склонность к наукам редко идут рука об руку.

— Да, я, конечно, не очень большой знаток, но в свое время прошел курс химических наук и два года работал в лаборатории института сэра Мейсона.

— Очень, очень рад это слышать, — ответил Хоу каким-то многозначительным тоном. — Это может иметь для нас чрезвычайно важное значение. Весьма возможно, и даже почти наверное, мне придется воспользоваться вашими услугами и познакомить вас с некоторыми моими методами, которые, должен сказать, сильно отличаются от методов ортодоксальных химиков. Но пока для этого еще не наступило время. В чем дело, Джонз?

— Письмо, сэр. — Дворецкий подал конверт на серебряном подносе.

Хоу сломал печать и пробежал глазами листок бумаги.

— Ах, вот как! Приглашение на бал от леди Морзли. Вынужден решительно отклонить его. Очень любезно с ее стороны, но я предпочел бы, чтобы меня оставили в покое. Хорошо, Джонз, я пошлю ответ. Знаете, Роберт, порой у меня так тяжело на душе!

Теперь он часто называл молодого художника просто по имени, особенно в минуты наибольшей откровенности.

— Я это нередко замечал, — ответил Роберт сочувственно. — Но как странно, что вы, еще молодой, здоровый, кому доступны все житейские радости, и притом миллионер...

— Ах, Роберт! — воскликнул Хоу, откинувшись в кресле и пуская из трубки кольца густого голубого дыма. — Вы попали в самую точку! Будь я миллионером, я, может быть, был бы счастлив, но, увы, я не миллионер!

— Боже мой! — ахнул Роберт.

Он весь похолодел при мысли, что это, вероятно, — предисловие к признанию, что надвигается банкротство и весь блеск, все приятные волнения рассеются, как дым.

— Не миллионер... — еле мог он выговорить.

— Нет, Роберт, я миллиардер, может быть, единственный в мире. Вот что тяготит меня, вот почему я иногда чувствую себя несчастным. Я убежден, что должен тратить свои деньги, обязан пускать их в обращение, но как осторожно надо поступать, если хочешь действовать на благо людям, не нанося им вреда! Я глубоко сознаю свою ответственность. Она меня угнетает. Имею ли я право жить спокойно, когда вокруг миллионы людей, которых я мог бы спасти, поддержать в беде, если бы только знал, как это сделать?

Роберт вздохнул с облегчением.

— Быть может, вы слишком требовательны к себе и преувеличиваете свою ответственность перед людьми? Всем известно, как много вы сделали добра. Что же вас не удовлетворяет? Если вам хочется еще больше денег и сил отдать филантропии, то ведь повсюду имеются благотворительные общества, которые будут рады принять вашу помощь.

— У меня в списке уже двести семьдесят таких учреждений, — ответил Рафлз Хоу. — Просмотрите как-нибудь этот список; может, вы пополните его. Каждому из этих обществ я ежегодно высылаю скромную лепту. Нет, не думаю, что мог бы сделать еще что-либо в этом направлении.

— Но, право же, вы внесли свою долю, она больше чем достаточна. На вашем месте я зажил бы спокойно и счастливо и больше не ломал бы над этим голову.

— Нет, так поступить я не могу, — серьезно сказал Хоу. — Не для того судьба дала мне в руки огромную силу, чтобы я жил спокойно и счастливо. Конечно, нет. Нет, Роберт, лучше пустите-ка в ход ваше воображение, придумайте еще какой-нибудь способ, чтобы человек, обладающий... ну, скажем, неограниченным богатством, мог оказать услугу человечеству, никого не лишая личной независимости, никому не нанося ущерба.

— Да, пожалуй, вы правы. Задача не из легких, — согласился Роберт.

— Некоторыми своими планами я с вами поделюсь: может, вы подадите мне дельный совет. Вот, послушайте. Что, если купить десять квадратных миль земли здесь, в Стаффордшире, и выстроить аккуратный городок из чистеньких, удобных четырехкомнатных домиков, обставленных хорошо, но просто, чтоб и магазины были и все, что нужно, но, конечно, никаких трактиров. Все жилища отдать безвозмездно людям, разорившимся, безработным, бездомным бродягам, каких немало в Великобритании. Собрать их в одно место, всем дать работу, которая длилась бы годы и приносила постоянную пользу человечеству. Чтобы труд их хорошо оплачивался и не изнурял, чтобы часы отдыха были приятны. Ведь, правда, таким образом сделаешь добро и этим людям и всему обществу в целом?

— Но какую придумать работу, чтобы занять такое огромное количество людей на большой срок и не вступить в конкуренцию с какой-нибудь существующей отраслью промышленности? Иначе вы просто переложите жизненные тяготы с одних плеч на другие.

— Совершенно верно. Нет, этого я не хочу. Я придумал другое: я хочу пробить земную кору и установить прямую связь с антиподами. Когда будет пробурена определенная толща земли (вычислить, какая именно интереснейшая математическая задача), и если при этом бурить несколько в сторону от центра земного шара, — центр тяжести окажется под нами и можно будет проложить рельсы и тоннели, как это делается на поверхности земли.

Тут в первый раз у Роберта мелькнула мысль, что отец, пожалуй, прав и что перед ним в самом деле безумец. Несметные богатства затуманили ему мозг и превратили в маньяка. Роберт кивнул головой, делая вид, что соглашается, как не стал бы перечить ребенку.

— Это было бы неплохо, — сказал он. — Только я слышал, что внутренность земли расплавлена, и вашим рабочим придется стать саламандрами.

— Последние научные данные показывают, что земной шар внутри не так раскален, как предполагалось ранее, — возразил Рафлз Хоу. — Вполне доказано, что повышенная температура в угольных шахтах объясняется атмосферным давлением. В земле есть газы, способные воспламеняться, и есть горючие вещества, какие встречаются в недрах вулканов, но если мы натолкнемся на что-либо подобное в процессе бурения земли, мы направим туда одну или две реки и одолеем это препятствие.

— Пожалуй, получится не совсем удачно, если вы выйдете на противоположном конце и очутитесь под Тихим океаном, — сказал Роберт, с трудом удерживаясь от смеха.

— У меня есть вычисления наилучших современных французских, английских и американских инженеров. Место выхода можно рассчитать с точностью до одного ярда. Вон в том портфеле масса всяких планов, диаграмм, расчетов. У меня уже наняты агенты для закупки земли, и, если все пойдет гладко, осенью мы приступим к работам. Это первый из моих проектов. Второй — новые каналы.

— Тут вы непременно окажетесь конкурентом железнодорожным компаниям.

— Вы меня не поняли. Я хочу прорыть каналы повсюду, где это сможет способствовать развитию торговли. Если пошлины на суда будут сняты, такой план мне кажется разумным способом помочь всему человечеству.

— А где, скажите, вы собираетесь проводить каналы? — осведомился Роберт.

— Вот карта мира. — Хоу встал и снял карту со стенда. — Видите пометки синим карандашом? Это пункты, где я намерен рыть каналы. Первый мой долг — завершить постройку Панамского канала.

— Ну, конечно!

Да, безумие этого человека становилось все более явным, но в то же время держался он так спокойно и уверенно, что Роберт, помимо своей воли, выслушивал планы одобрительно и даже заинтересовался ими.

— Потом займемся Коринфским перешейком. Но это задача простая и в отношении самих инженерных работ и затрат на них. Затем проведем канал вот здесь, у Килия, чтобы связать Немецкое море с морем Балтийским. Это, как видите, сократит путь вдоль берегов Дании и облегчит нашу торговлю с Германией и Россией. Видите эту синюю линию?

— Да, да, разумеется.

— Проведем небольшой канал и вон там. Он свяжет Белое море и Ботнический залив. Нельзя же думать только о своей стране! Пусть наши благие дела послужат всему миру. Постараемся дать славным жителям Архангельска удобный порт для сбыта мехов и жира.

— Но канал здесь будет замерзать.

— Да, на шесть месяцев в году. И все же он будет нужен. Затем надо что-то сделать и для Востока. Никогда не следует забывать про Восток!

— Это было бы неосмотрительно, — сказал Роберт.

Его разбирал смех: таким нелепым казался ему весь этот разговор. Рафлз Хоу, однако, говорил с глубочайшей серьезностью, делая на карте пометки синим карандашом.

— Вот здесь мы, пожалуй, тоже сумеем помочь. Если начать рыть от Батума до реки Куры, то откроется торговый путь для населения берегов Каспия, установится связь со всеми реками, которые в него впадают. Обратите внимание, какую большую территорию они охватывают. Затем хорошо бы прорыть канал между Бейрутом на Средиземном море и верхом Евфрата, это свяжет нас с Персидским заливом. Вот те самые необходимые каналы, которые теснее объединят все страны мира.

— Планы ваши, безусловно, грандиозны, — сказал Роберт, не зная, смеяться ему или пугаться. — Вы перестанете быть простым смертным и обратитесь в одну из тех великих сил природы, которые меняют, преобразуют, совершенствуют жизнь.

— Именно так я себя и мыслю. И вот почему я так остро сознаю свою ответственность.

— Программа действий у вас обширная. Но, совершив все это, вы уж, конечно, будете вправе отдохнуть.

— Ну нет! Я патриот и хотел бы оставить свое имя в анналах истории моей родины. Только пусть это будет после моей смерти, я не выношу широкой гласности и почестей. Я отложил — где именно, будет указано в моем завещании — восемьсот миллионов на погашение нашего национального долга. Не думаю, что это повредит Англии.

Роберт смотрел на этого странного человека во все глаза, онемев от дерзости его речей.

— Можно еще заняться обогреванием почвы. Здесь неограниченное поле деятельности. Вы, конечно, читали о необычайно высоких урожаях в Джерси и других местах, где были

проведены под землей трубы с горячей водой? Урожай увеличился втрое и вчетверо. Я могу повторить этот опыт в расширенном масштабе. Остров Мэн, например, можно использовать в качестве тепловой станции. Главные трубопроводы пойдут в Англию, Ирландию и Шотландию, а от них сделаем отводы и образуем по всей стране целую сеть труб на глубине два фута под землей. Одна труба на расстоянии ярда от другой — этого, я думаю, будет достаточно.

— Боюсь, — заметил Роберт, — что горячая вода с острова Мэн несколько охладится, пока достигнет, скажем, Шотландии.

— Это препятствие обойти легко. Через каждые несколько миль можно установить особые печи, которые будут поддерживать должную температуру в трубах. Вот некоторые из моих планов на будущее, Роберт, и, чтобы осуществить их, мне необходима помощь вот таких, как вы, бескорыстных людей. Но как ярко светит солнце, как вокруг чудесно! Мир прекрасен, Роберт, и я хотел бы, чтобы после моей смерти людям жилось хоть немного лучше. Пройдемся, вы расскажете, кому и где еще я могу помочь.

Глава IX НОВЫЙ ПОВОРОТ СОБЫТИЙ

Богатство Рафлза Хоу принесло, несомненно, много добра людям, но бывали случаи, когда оно оказывало им плохую услугу. Даже самые мысли о больших деньгах, соприкосновение с ними часто приносили вред. Пагубней всего повлияли они на старого фабриканта оружия. Если прежде это был только жадный, ворчливый старик, то теперь он стал желчным, угрюмым и даже опасным человеком. Он видел изо дня в день, как протекает через его собственный дом поток денег, а ему не удается отвести для себя даже самый крохотный ручеек, и это его озлобило, в глазах у него появился алчный блеск. Он меньше жаловался на превратности судьбы, но чаще впадал в мрачное настроение, часами стоял на тэмфилдском холме и глядел на величественный дворец внизу, как умирающий от жажды смотрит на мираж в пустыне.

Он повсюду выспрашивал, выведывал, подслушивал и в конце концов кое в чем оказался более осведомленным, чем сын и дочь.

— Ты, наверное, все еще понятия не имеешь, откуда твой новоявленный друг добывает деньги, — сказал он как-то Роберту во время утренней прогулки по деревне.

— Я знаю только, что он тратит их достойным образом.

— Как бы не так! — фыркнул старик. — «Достойным образом»! Помогает всякому бродяге, всякой потаскушке и последнему негодю и не может дать в долг и фунта стерлингов под верное обеспечение, чтобы помочь уважаемому человеку поправить свои дела!

— Дорогой отец, право, я не могу спорить с тобой на эту тему, сказал Роберт. — Я уже не раз высказывал тебе свое мнение об этом. Цель мистера Хоу — помогать тем, кто доведен до крайности. А на нас он смотрит, как на равных себе: ему и в голову не приходит покровительствовать нам, как будто мы слабы и беспомощны. Принять от него деньги — значит для нас унизиться.

— Что за вздор ты говоришь, Роберт! Речь идет лишь о том, чтобы взять у него заимообразно, это постоянно практикуется в деловом мире.

Было еще утро, но Роберт видел, что отец уже успел где-то порядком выпить, — он был раздражен, сварлив. Пристрастие к вину за последнее время у него усилилось: его редко видели трезвым.

— Мистер Рафлз Хоу без нас знает, кому дать деньги и кому отказать, ответил Роберт холодно. — Он сам зарабатывает деньги и волен распоряжаться ими, как ему заблагорассудится.

— А как он, интересно, их «зарабатывает»? Ты этого, Роберт, не знаешь. Ты не

подозреваешь, что, может быть, участвуешь в афере, когда помогаешь ему расшвыривать деньги. Слыхал ты, чтобы кто-нибудь зарабатывал такую уйму денег праведным путем? И могу тебя уверить: слитки золота для него не дороже, чем куски угля для шахтера. Он мог бы сложить дом из них и не моргнул бы глазом! — злобно выкрикивал старик.

— Я знаю, отец, Рафлз Хоу чрезвычайно богат. Знаю также, что порой он высказывает крайне экстравагантные мысли, что фантазия уносит его очень далеко. Он делился со мной некоторыми своими планами, осуществить которые нечего мечтать и богатейшему человеку в мире.

— Смотри, сын мой, не соверши ошибки. Твой бедный старик отец не так уж глуп, хотя он всего-навсего несчастный, разорившийся промышленник. — Он искоса посмотрел на сына, подмигнул ему и как-то неприятно усмехнулся. Когда пахнет деньгами, я это сразу чую. У него горы денег. Не сомневаюсь, что другого такого богача и на свете нет. Но честным ли путем досталось ему богатство? За это я не поручусь. Я еще не совсем ослеп, Роберт. Ты видел фургон, который приезжает сюда каждую неделю?

— Фургон?

— Ну да. Видишь, мне еще удастся разузнавать для тебя новости. Фургон должен прибыть сегодня утром, он всегда приезжает в субботу утром. Да вот он выезжает из-за поворота, видишь?

Роберт оглянулся и действительно увидел на дороге к Новому Дому большой, тяжелый фургон, который тянули две сильные лошади. По тому, как они напрягались, как медленно двигался фургон, чувствовалось, что кладь весит необычайно много.

— Подождем здесь, — сказал старик Макинтайр, ухватив костлявой рукой сына за рукав. — Пусть проедет мимо. Посмотрим, что будет дальше.

Они стали у дороги, дожидаясь, пока фургон поравняется с ними. Он был покрыт брезентом и спереди и с боков, но сзади можно было разглядеть, что находится внутри. Там были какие-то свертки, уложенные рядами, один на другом, — все одинаковой формы, в одинаковой упаковке, длиной фута в два и высотой приблизительно в шесть дюймов. Каждый сверток был обернут в грубый холст.

— Ну что ты на это скажешь? — торжествующе обратился старик к сыну, когда фургон, скрипя колесами, проехал дальше.

— Что это, по-твоему, такое?

— Я следил за ним, Роберт, я следил за этим фургоном каждую субботу, и однажды мне удалось заглянуть внутрь. Это произошло в тот день, когда, помнишь, бурей свалило вяз, он упал поперек дороги и его пришлось распилить пополам. Это случилось в субботу, и, пока расчищали дорогу, фургону пришлось остановиться. Я стоял неподалеку и воспользовался случаем. Я подошел сзади и ощупал сверток. Ведь не так уж он велик, верно? Но поднять его под силу только очень крепкому человеку. Они тяжелые и твердые, словно бы из металла! И я вот что скажу тебе, Роберт, фургон нагружен золотом!

— Золотом?!

— Это все слитки золота, Роберт. Но давай подойдем поближе.

Они прошли вслед за фургоном в ворота и там, свернув с аллеи, встали среди елок, откуда им все хорошо было видно. Фургон остановился у входа в здание с высокой трубой. Там его уже поджидал целый штат конюхов и лакеев: они тут же бросились разгружать фургон и потащили свертки в лабораторию. Первый раз Роберт видел, что туда входят посторонние. Самого хозяина сейчас нигде не было видно. Через полчаса весь груз перенесли в здание, и фургон тотчас укатил.

— Ну что ж, — задумчиво проговорил Роберт, когда они с отцом возобновили прогулку. — Допустим, ты прав, — кто же присылает ему такое количество золота, откуда оно?

— Ага, в конце концов пришлось тебе согласиться с отцом! — Старик даже захихикал от удовольствия. — Я-то вижу, в чем тут фокус! Мне все ясно! Их двое, понимаешь? Тот, другой, достает золото. Каким образом? Этот вопрос на время оставим, но будем надеяться,

что все идет честным путем. Предположим, что они напали на необыкновенные золотые россыпи, где золото можно грести лопатой. Добытое золото пересылают сюда, и этот Рафлз Хоу в своей лаборатории всякими там своими химическими обработками очищает и промывает его, чтобы можно было продать. Вот как я все это объясняю. А ты как считаешь, правильно я сообразил?

— Но если так, золото приходится снова вывозить отсюда?

— Ну да! Только вывозят его понемногу. Я знаю, я смотрел в оба. Каждую ночь золото увозят в небольшой тележке на станцию и поездом семь сорок отправляют в Лондон. Но оно уже не в слитках, а сложено в окованные железом ящики. Я их видел, мой мальчик, трогал собственными руками!

— Ну что ж, — проговорил молодой человек в раздумье. — Может, ты и прав. Да, возможно, что ты прав.

В то время как отец и сын пытались проникнуть в тайну Рафлза Хоу, сам он явился в «Зеленые Вязы». Лаура была одна; она сидела у камина, читая «Королеву».⁴

— Ах, как жаль! — воскликнула она, отбрасывая газету и вскакивая с кресла. — Кроме меня, никого нет дома. Но отец и брат скоро вернутся. Роберт, во всяком случае, должен быть с минуты на минуту.

— Я как раз предпочел бы побеседовать с вами с глазу на глаз, спокойно ответил Рафлз Хоу. — Прошу вас, сядьте, я хотел бы с вами поговорить.

Лаура снова села в кресло, щеки у нее вспыхнули, дыхание участилось. Она отвернула лицо и смотрела на огонь в камине, но глаза ее искрились своим, не отраженным светом.

— Помните, мисс Макинтайр, как мы встретились с вами впервые? — спросил он, стоя перед ней на ковре и глядя на ее темные волосы, на прекрасную, точеную шею цвета слоновой кости.

— Как будто все это было только вчера, — ответила Лаура самым мягким и нежным тоном.

— Тогда, значит, вы не забыли те нелепые слова, которые под конец вырвались у меня. Это было очень глупо с моей стороны. Очень сожалею, если напугал или смутил вас тогда. Но я давно живу отшельником и приобрел скверную привычку думать вслух. Ваш голос, лицо, манера держаться — все так отвечало моему идеалу женщины, любящей, преданной, способной понять, и мне невольно подумалось: будь я бедняком, мог бы я надеяться завоевать любовь такой девушки, как вы?

— Я очень дорожу вашим добрым мнением, мистер Хоу, — сказала Лаура. Уверяю вас, я тогда ничуть не испугалась. Вам незачем извиняться за то, что, в сущности, было лишь комплиментом.

— Позже я убедился, что и душа у вас также прекрасна, что вы наделены тончайшими и благороднейшими качествами, какими только может природа одарить женщину. Вы знаете, что я человек состоятельный, но мне бы хотелось, чтобы это не влияло на ваше решение. Скажите, Лаура, могли бы вы быть счастливы, выйдя замуж за такого человека, как я?

Она не ответила, а продолжала сидеть, чуть отвернувшись, по-прежнему устремив искрящиеся глаза на огонь. Маленькая ножка ее часто постукивала по ковра.

— Вы имеете право узнать обо мне больше, прежде чем принять решение. Но рассказывать мне почти нечего. Я сирота, и, насколько мне известно, на всем свете у меня нет никого родных. Отец мой был уважаемым хирургом в Уэлсе, и я также получил медицинское образование. Но отец умер прежде, чем я успел закончить курс. Он оставил мне небольшие средства. Я увлекался химией и физикой, изучал свойства электричества и, вместо того чтобы продолжать занятия медициной, целиком посвятил себя химии. Наконец, я выстроил лабораторию и там продолжал научные исследования. К этому времени я

⁴ «Королева» — первая английская газета, посвященная исключительно вопросам мод, светским сплетням и т. п.

получил крупную, чрезвычайно крупную сумму и почувствовал, что на меня ложится большая ответственность — я обязан правильно использовать эти деньги. Я все обдумал и решил построить дом где-нибудь в провинциальном уголке, но не слишком далеко от большого города. Там, думал я, у меня будет возможность держать связь с внешним миром, и в то же время я смогу жить спокойно, на досуге вынашивать свои замыслы. По чистой случайности я избрал Тэмфилд. Теперь моя задача — осуществлять задуманное и помогать людям бороться с их бедами, с несправедливостями судьбы. Я еще раз спрашиваю вас, Лаура, согласны вы соединить свою жизнь с моей и стать помощницей в деле моей жизни?

Лаура посмотрела на Рафлза Хоу и увидела сухопарую фигуру, бледное лицо, пронизательные и в то же время ласковые глаза. Невольно перед ней возник другой образ — мужественные черты Гектора Сперлинга: четко очерченный рот, открытый взгляд... В эту минуту торжества Лауре вспомнилось, что Гектор остался верен ей в страшный час разорения их семьи, что он продолжал любить ее, бедную девушку, так же преданно, как в дни, когда она была богатой наследницей. Лауре вспомнился их последний поцелуй за дверью: она вновь ощутила прикосновение его губ на своих губах.

— Я считаю честью ваше предложение, мистер Хоу, — проговорила она медленно. — Но оно так неожиданно!.. Я не имела времени подумать. Я не знаю, что вам ответить.

— Нет, нет, я не хочу вас торопить! — сказал он. — Прошу вас, обдумайте все хорошенько. Я приду за ответом. Когда мне прийти? Сегодня вечером?

— Да, приходите вечером.

— Тогда я сейчас уйду. Поверьте, ваша нерешительность заставляет меня уважать вас еще больше. Буду жить надеждой!

Он поцеловал ей руку и вышел, предоставив Лауру ее мыслям.

Вскоре можно было уже не сомневаться в том, какое они приняли направление. Все туманней и туманней становился образ далекого моряка, все ярче и заманчивей казались роскошный дворец, почти царственная власть, бриллианты, золото, будущие почести. Все это лежало у ее ног — стоило только нагнуться и взять. Как могла она колебаться хотя бы секунду? Лаура поднялась, подошла к письменному столу и взяла лист бумаги и конверт. На конверте она тут же написала:

«Гибралтар, флот его королевского величества, лейтенанту Гектору Сперлингу».

Написать самое письмо было несколько сложнее, но наконец и оно было составлено так, как то диктовали ее чувства и намерения:

«Дорогой Гектор, я убеждена, что твой отец всегда не очень одобрял наше обручение, иначе он не стал бы чинить столько препятствий нашему браку. Я уверена также, что, когда разорился мой бедный отец, ты остался мне верен лишь из чувства долга и чести, и поэтому было бы гораздо лучше, если бы мы с тобой тогда же расстались. Я не могу допустить, Гектор, чтобы из-за меня ты жертвовал своей карьерой, и, тщательно все обдумав, я решила освободить тебя, расторгнуть нашу детскую помолвку, чтобы ты был совершенно, во всех отношениях независим. Тебе может показаться, что я поступаю жестоко, но я глубоко убеждена, дорогой Гектор, когда ты добьешься высокого положения, когда ты станешь адмиралом и оглянешься назад, ты убедишься, что я была тебе подлинным другом и помешала тебе сделать ложный шаг, который погубил бы твою карьеру. Что касается меня, то, выйду я замуж или нет, я решила остаток своей жизни посвятить людям, буду стараться делать им добро, чтобы после моей смерти им жилось хоть немного лучше.

Отец твой вполне здоров и в прошлое воскресенье прочитал отличную проповедь.

Возвращаю тебе банкнот, который ты просил меня сохранить. Прощай навсегда, милый Гектор, и, поверь, что бы ни случилось, я всегда останусь твоим

преданным другом.

Лаура Макинтайр».

Она едва успела запечатать письмо, как вернулись с прогулки отец и Роберт. Она закрыла за ними дверь и сделала реверанс.

— Я жду поздравлений от родственников, — сказала она, высоко подняв голову. — Приходил Рафлз Хоу и просил моей руки.

— Да не может быть! — проговорил старик. — Что же ты ему сказала?

— Попросила прийти вечером за ответом.

— И что же ты ответишь?..

— Я приму предложение.

— Ты всегда была умной девушкой, Лаура, — сказал Макинтайр-старший. Он привстал на цыпочки и поцеловал дочь.

— Но, Лаура, а как же Гектор? — сдержанно упрекнул ее Роберт.

— Я написала ему, — ответила сестра небрежно. — Будь так добр, опусти письмо.

Глава X ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

Итак, Лаура Макинтайр обручилась с Рафлзом Хоу, и у старика отца, когда он почувствовал себя на шаг ближе к источнику богатства, стал еще более алчный вид, а Роберт все меньше думал о работе и совсем забыл про холст, который так и стоял на мольберте, покрытый пылью. Хоу подарил невесте старинное кольцо с огромным сверкающим бриллиантом. О свадьбе, однако, говорили мало: Хоу предпочитал, чтобы все было как можно скромнее. Почти все вечера он проводил теперь в «Зеленых Вязах» и здесь вместе с Лаурой строил грандиозные планы. Разложив на столе географическую карту, молодые люди как бы парили над миром, обдумывая, рассчитывая, совершенствуя.

— Что за девушка! — восхищался дочерью Макинтайр. — Болтает о миллионах так, словно родилась быть миллионершей. Надеюсь, выйдя замуж, она не будет швырять деньги на всякие дурацкие затеи, какие взбредут в голову ее мужу.

— Лаура сильно переменялась, — заметил Роберт. — Она стала смотреть на все гораздо серьезнее.

— Дай срок, ты еще увидишь... — захихикал старик. — Лаура умница, она знает, что делает. Она не допустит, чтобы ее старенький папа так и остался ни с чем, когда она может ему помочь. Да, хорошие дела, нечего сказать! проговорил он вдруг оскорбленно. — Дочь выходит замуж за человека, для которого золото значит не больше, чем для меня значил когда-то чугун для пушек. Сын берет у этого богача денег сколько вздумается и раздает их направо и налево всем бездельникам в Стаффордшире. А отец, любящий, заботливый отец, который воспитал их, часто не имеет шиллинга, чтобы купить себе бутылку коньяку! Что бы сказала ваша бедная мать!

— Тебе стоит только попросить у Рафлза Хоу, он тебе не откажет.

— Да, как будто я пятилетний ребенок! Но знай, Роберт, у меня есть свои права, и я так или иначе добьюсь своего. Я не позволю, чтобы меня почитали за пешку. И еще вот что: прежде чем стать дорогим тестюшкой этого субъекта, я хочу знать, откуда берутся его доходы. Мы, может, бедны, но честны. Я сегодня же пойду к нему и потребую объяснения.

Схватив шляпу и трость, он было направился к двери.

— Нет, нет, отец, ради бога! — остановил его Роберт, ухватив за рукав. — Лучше не вмешивайся. Мистер Хоу крайне щепетилен, ему не понравится, что его выспрашивают о таких вещах. Это может привести к серьезной ссоре. Прошу тебя, не ходи!

— Я не позволю, чтоб вы меня всегда отодвигали на задний план! огрызнулся старик, успевший сильно захмелеть. — Я покажу, кто я такой!

Он все пытался вырваться от сына.

— Нет, во всяком случае, без ведома Лауры ты к Рафлзу Хоу не пойдешь. Сейчас я позову ее, мы с ней посоветуемся.

— Нет, уволь, с меня хватит сцен, — угрюмо проворчал старик, сразу притихнув: он боялся дочери, и одно только имя Лауры способно было его усмирить, как бы воинственно он ни был настроен.

— Кроме того, — продолжал Роберт, — я не сомневаюсь, что Рафлз Хоу сам сочтет нужным объяснить нам все до свадьбы. Он должен понять, что мы теперь имеем право на его доверие.

Не успел он договорить, как в дверь постучали и вошел Рафлз Хоу.

— Доброе утро, мистер Макинтайр, — сказал он. — Роберт, вы не заглянете ко мне? Я хотел бы с вами серьезно поговорить.

Они вышли, не обменявшись ни словом. Рафлз Хоу весь погрузился в свои мысли. Роберт был взволнован — он чувствовал, что предстоит что-то важное.

Зима была на исходе. Наперекор мартовскому дождю и ветру из земли уже выглядывали первые, робкие ростки. Снег сошел, но вся округа, казалось, стала еще холоднее и неприветливее, окутанная туманами, тянувшимися с сырых полей.

— Между прочим, Роберт, — спросил вдруг Рафлз Хоу, когда они подходили к дому, — вы уже отправили в Лондон вашу картину с римлянами?

— Я ее еще не закончил.

— Но ведь вы работаете быстро, я думал, она давно готова.

— Нет, боюсь, что с того времени, как вы ее видели, она мало подвинулась вперед. Прежде всего было мало света.

Рафлз Хоу промолчал, но по лицу его как бы скользнула тень. Они вошли в дом, и хозяин повел гостя в музей. Там, на полу, стояли два больших металлических ящика.

— Небольшое пополнение коллекции драгоценных камней, — бросил хозяин мимоходом. — Прибыли только вчера вечером, я еще не успел ничего посмотреть, но, судя по прилагаемым описям, тут должны быть прекрасные экземпляры. Можно разобрать ящики сегодня же вечером, если хотите помочь мне. А сейчас пройдемте в курительную.

В курительной Рафлз Хоу сел на диван и указал Роберту кресло напротив.

— Возьмите сигару, — предложил он. — И нажмите кнопку, если желаете подкрепиться. Ну, а теперь, мой милый Роберт, признайтесь, вы не раз принимали меня за сумасшедшего, а?

Это было так неожиданно и так верно, что молодой художник растерялся и не ответил.

— Дорогой Роберт, я не виню вас. Это так понятно! Я бы сам счел сумасшедшим всякого, кто говорил бы со мной вот так же, как я говорил с вами. Но, Роберт, вы ошибались. Среди проектов, которыми я с вами делился, не было ни одного, для меня невыполнимого. Я не шучу, я говорю с полнейшей серьезностью, размеры моих доходов безграничны, и все банкиры и финансисты, вместе взятые, не сумели бы собрать денег, какими я могу располагать когда угодно.

— У меня достаточно доказательств тому, как велико ваше богатство.

— И вам, естественно, любопытно, каким образом оно мне досталось. Могу сказать одно: деньги мои не запятнаны бесчестьем. Я никого не обманул, никого не ограбил, никого не угнетал, никого не заставлял на себя трудиться, чтобы добыть их. По глазам вашего отца я вижу, что он относится ко мне подозрительно. Ну что ж, может быть, его и нельзя винить. Как знать, может, и мне приходили бы в голову недобрые мысли, будь я на его месте. Но поэтому-то, Роберт, я откроюсь вам, а не ему, вы по крайней мере поверили мне, и вы имеете право, прежде чем я стану членом вашей семьи, узнать все, что я могу вам сообщить. Лаура также доверилась мне, и я хорошо знаю, что она будет верить мне и дальше, не требуя объяснений.

— Я не хочу вырывать у вас вашей тайны, мистер Хоу, — запротестовал Роберт, — но не стану отрицать, я буду очень горд, если вы окажете мне доверие.

— Да, я раскрою вам секрет, но не весь: пока я жив, никто не узнает его до конца. Но я оставлю указания, чтобы после моей смерти вы продолжали то, что не успею завершить я сам. Я сообщу вам, где будут храниться эти указания. А пока вам придется довольствоваться тем, что я вам сейчас расскажу, не вдаваясь в подробности.

Роберт уселся поудобнее и приготовился внимательно слушать, а Рафлз Хоу слегка нагнулся вперед, и серьезное и напряженное выражение его лица ясно показывало, как важен для него этот разговор.

— Вам известно, — начал он, — что я отдал много времени и сил изучению химии?

— Да, вы говорили мне.

— Я начал занятия под руководством знаменитого английского химика, продолжал их под руководством лучшего химика Франции и закончил их в самой знаменитой химической лаборатории Германии. Я был небогат, но отец оставил мне небольшие деньги, на которые я мог жить, не зная нужды. Тратил я экономно и сумел собрать сумму, позволившую мне завершить курс обучения. Я вернулся в Англию и оборудовал собственную лабораторию в спокойном провинциальном местечке, где мог работать без помех. Там я сделал несколько исследований, и они завели меня в ту область науки, в которую не проникал ни один из трех обучавших меня химиков.

Вы говорили, Роберт, что несколько знакомы с химией, — тем легче вам будет меня понять. Химия в значительной мере наука эмпирическая, и случайный эксперимент подчас дает более важные результаты, чем может дать глубочайшее изучение данного вопроса или самые тонкие умозаключения. Крупнейшие открытия в химии — начиная с производства стекла и кончая производством рафинированного сахара — обязаны счастливой случайности, которая с таким же успехом могла выпасть на долю простого любителя, как и на долю величайшего ученого.

Вот такой случайности и я обязан своим великим открытием, может быть, величайшим в мире. Хотя, надо отдать себе должное, тут я многим обязан и собственным своим рассуждениям.

Я часто раздумывал над тем, какое действие оказывают на различные материалы мощные электрические токи, пропускаемые через них продолжительное время. Я имею в виду не те слабые токи, которые идут по телеграфному проводу, я говорю о токах высокого напряжения. Я проделал соответствующие опыты и установил, что, проходя через жидкости и различные соединения, они разлагают элементы. Вы, конечно, помните известный опыт с электролизом воды. Но я обнаружил, что в отношении простых твердых веществ эффект получается иной и весьма своеобразный. Металл, например, медленно уменьшается в весе, почти не меняясь качественно. Достаточно ли понятно я объясняю?

— Я отлично все понимаю, — сказал Роберт, слушавший с живейшим интересом.

— Я брал для опыта различные металлы и получал всегда один и тот же результат: каждый раз пропускаемый в течение часа ток приводил к заметной потере веса. Теория моя на этой стадии работы сводилась к следующему: электрический ток вызывает распад молекул, некоторое количество их отходит от основной массы, как от комка земли, в виде мельчайшей, неосязаемой пыли, и кусок металла, естественно, становится легче. Я уже полностью принял для себя эту теорию, как вдруг однажды необычайный случай заставил меня в корне изменить свои взгляды.

Как-то вечером в субботу я поместил кусок висмута в зажимы и провел к его концам электрические провода, чтобы проверить действие тока на этот металл. Я проводил опыты над всеми металлами, подвергая каждый действию тока от одного до двух часов кряду. Едва я установил зажимы и пустил ток, как вдруг пришла телеграмма из Лондона, извещавшая меня, что Джон Стилингфлит, старый химик, с которым я был в дружеских отношениях, опасно болен и хочет повидаться со мной. Последний поезд в Лондон отходил через двадцать минут, а я жил в доброй миле от станции. Сунув в саквояж кое-какие необходимые вещи, я запер лабораторию и со всех ног бросился на станцию, чтобы поспеть на поезд.

Только в Лондоне я вспомнил, что забыл выключить ток и что он будет идти через

висмут до тех пор, пока не разрядятся батареи. Впрочем, я этому особенного значения не придавал и тотчас забыл про висмут. Я задержался в Лондоне до вечера вторника и только в среду вернулся к своей работе. Отпирая лабораторию, я опять вспомнил о своем незавершенном опыте, и мне пришло в голову, что, по всей вероятности, кусок висмута распался на отдельные молекулы. Я был совершенно не подготовлен к тому, что меня ожидало.

Подойдя к столу, я действительно убедился, что кусок металла исчез и зажимы пусты. Я уже хотел было заняться чем-то другим, как вдруг заметил, что стол, на котором были установлены зажимы, весь покрыт каплями и небольшими лужицами серебристой жидкости. Я очень ясно помню, что перед началом опыта очистил стол, следовательно, жидкость эта могла появиться, лишь пока я был в Лондоне. Странное явление меня очень заинтересовало, я аккуратно собрал жидкость в сосуд и тщательно ее исследовал. Сомнений быть не могло: это была чистейшая ртуть, без малейшей примеси висмута.

Я тотчас понял, что случай привел меня к химическому открытию чрезвычайной важности. Если висмут в определенных условиях подвергнуть воздействию электрического тока, он начнет терять вес и постепенно обратится в ртуть. Я уничтожил перегородки между элементами. Но ведь процесс на этом не остановится, и, очевидно, это есть проявление какого-то общего закона, а не отдельный, частный факт. Итак, висмут превращается в ртуть, ну, а ртуть во что превратится? Я не мог успокоиться, не разрешив этого вопроса. Я снова зарядил батареи и пропустил ток через сосуд с ртутью. Шестнадцать часов кряду я наблюдал, как ртуть постепенно густела, становилась все тверже, теряла серебристый блеск и принимала тусклый желтоватый оттенок. Когда, наконец, я вытащил металл щипцами и бросил его на стол, у него уже не было никаких признаков ртути, это был иной металл. Простейший анализ показал, что передо мной платина.

Химику последовательность этих переходов металла из одного в другой подсказывала очень многое. Может быть, вы уже догадываетесь, Роберт, что я имею в виду?

— Признаться, нет.

Роберт слушал странный рассказ, глядя во все глаза и приоткрыв рот.

— Сейчас я вам объясню. Висмут самый тяжелый металл, его атомный вес двести десять. Следующий за ним по весу свинец, атомный вес его двести семь; затем ртуть — ее вес двести. Возможно, что за время моего отсутствия ток сперва обратил висмут в свинец, а затем уже в ртуть. Атомный вес платины — сто девяносто семь и пять десятых, это как раз следующий в ряду металл, который должен получиться, если и дальше пропускать ток. Теперь понимаете?

— Да, все ясно.

— И тут сам собой возник вывод, от которого меня кинуло в жар и холод и голова пошла кругом. Следующим в ряду стоит золото. Его атомный вес сто девяносто семь. Мне припомнилось, и я впервые понял, почему в старину алхимики всегда упоминали свинец и ртуть как два металла, обязательных для опытов. Дрожащими от волнения пальцами я снова включил ток, и немногим больше чем через час — скорость процесса превращения всегда пропорциональна разнице веса металлов — передо мной был неровный кусок красноватого металла, на все пробы дающий реакцию золота.

Это длинная история, Роберт, но, я думаю, вы согласитесь со мной, что все это очень важно и не напрасно я так углубляюсь в подробности. Когда я окончательно убедился, что создал золото, я распилил слиток пополам. Одну часть я послал знакомому ювелиру, знатоку драгоценных металлов, с просьбой определить качество моего золотого самородка. Над другой частью слитка я продолжал экспериментировать, по очереди обращая его в серебро, цинк, марганец, пока не обратил его в литий, самый легкий металл.

— А во что он превратился потом? — не выдержал Роберт.

— Потом произошло то, что для химика в моем открытии, наверное, интереснее всего. Литий превратился в тонкий сероватый порошок, который так и оставался без изменений, сколько я ни подвергал его действию тока. Этот порошок — основа всех основ, это

первоэлемент, иначе говоря, та субстанция, существование которой недавно теоретически доказал один известный химик и которую он назвал «протил». Я открыл великий закон видоизменения металлов под действием электричества, и я первый, кто получил протил. Поэтому, Роберт, если все мои начинания в других направлениях не дадут больших плодов, мое имя по крайней мере останется в истории химии.

Вот, в сущности, и все. Знакомый ювелир вернул мне самородок, подтвердив все мои предположения относительно его природы и качеств. Я вскоре разработал приемы, упрощавшие процесс, главным образом научился регулировать ток и добиваться более значительных результатов. Добыв таким образом некоторое количество золота, я продал его за сумму, позволившую мне закупить материалы лучшего качества и более мощные батареи. Я расширил свои опыты и, наконец, построил этот дом и оборудовал лабораторию так, чтобы продолжать работу в еще значительно большем масштабе. Повторяю, я смело могу сказать, что размер моих доходов ограничен лишь моими желаниями.

— Невероятно! — От волнения у Роберта пересохло во рту. — Просто как сказка. Но, храня эту тайну, вы, наверное, испытывали сильное искушение поделиться ею с другими?

— Да, я думал над этим. Я очень серьезно все обдумал. Одно было очевидно: если я опубликую свое открытие, драгоценные металлы немедленно утратят свою ценность. На место золота станет что-нибудь другое — янтарь, например, или слоновая кость. А золото будет цениться дешевле меди, потому что оно тяжелее меди и в то же время не такое твердое. И никто от такой перемены не выиграет. Если же я сохраню свой секрет и буду пользоваться им мудро, я смогу оказать человечеству величайшую услугу. Вот главные причины и, надеюсь, не бесчестные, которые заставили меня дать себе обет молчания. Я нарушил его сегодня впервые.

— Я не выдам вашу тайну, — заверил его Роберт. — Клянусь, я никому не скажу ни слова, пока вы сами не снимете с меня зарок.

— Если бы я не знал, что могу довериться вам, я бы не открыл свой секрет. Но теория, милый Роберт, унылая вещь, практика бесконечно более интересна. Я уделил достаточно внимания первой. Если вы пройдете со мной в лабораторию, я дам вам представление и о второй.

Глава XI ДЕМОНСТРАЦИЯ ОПЫТА

Рафлз Хоу прошел вперед и, выйдя из дома, пересек усыпанную гравием дорожку и открыл ведущую в лабораторию дверь, ту самую, через которую, как подглядели Роберт с отцом, проносили свертки, выгруженные из фургона. Но когда Роберт очутился за этой дверью, оказалось, что это еще не лаборатория, а просторная пустая передняя, вдоль стен ее громоздились штабелями те свертки, которые вызывали у него такое любопытство, а у отца — всякие домыслы. Таинственность, окружавшая тогда эти свертки, теперь, однако, исчезла, потому что хотя некоторые из них все еще оставались в холщовой упаковке, остальные были развернуты и оказались большими брусками свинца.

— Вот мое сырье, — бросил на ходу Рафлз Хоу, кивнув на бруски. Каждую субботу мне присылают их полный фургон, этого хватает на неделю, но когда мы с Лаурой поженимся, придется работать вдвое, — к тому времени мы уже начнем осуществлять наши великие проекты. Очень важно качество свинца, всякая посторонняя примесь, естественно, сказывается и на качестве золота.

В конце коридора находилась тяжелая железная дверь. Хоу отпер ее, — в пяти футах за ней оказалась такая же вторая.

— На ночь пол здесь повсюду раздвинут, — заметил он. — Не сомневаюсь, что прислуга в доме много судачит по поводу этой опечатанной комнаты, поэтому я вынужден остерегаться какого-нибудь любознательного конюха или слишком предприимчивого

дворецкого.

Третья дверь привела их в лабораторию, высокую, пустую комнату с выбеленными стенами и стеклянным потолком. В одном углу стоял мощный горн с котлом, в щели по краям его закрытой дверцы вырывался свет ослепительного красного пламени, глухой рев огня разносился по всей лаборатории. У другой стены стояли один над другим ряды батарей, а еще выше — аккумуляторы. У Роберта загорелись глаза, когда он увидел всевозможные механизмы, сложные сети проводов, штативы, колбы, бутылки цветного стекла, мензурки, горелки Бунзена, фарфоровые изоляторы и всевозможный хлам, обычный для химической и физической лабораторий.

— Пройдем сюда, — сказал Рафлз Хоу, пробираясь через груды металла, кокса, упаковочных ящиков и оплетенных бутылей с разными кислотами. — Вы первый, не считая меня самого, кто проник в эту комнату после того, как отсюда ушли строители. Слуги вносят свинец в первое помещение и оставляют его там. Горн очищается и разжигается снаружи. У меня для этого нанят человек. Теперь взгляните вот сюда.

Он распахнул дверь в дальнем конце комнаты и жестом пригласил молодого художника войти. Тот остановился на пороге и в немом изумлении осмотрелся. Все помещение площадью около тридцати квадратных футов было завалено золотом. Большие, в форме кирпича, слитки тесными рядами лежали на полу, а у стены верхние ряды почти касались потолка. Свет единственной электрической лампы, освещавшей эту комнату без окон, вызывал тусклое, желтоватое мерцание сложенного у стен драгоценного металла и падал красноватым отблеском на устланный золотом пол.

— Вот моя сокровищница, — сказал владелец дома. — Как видите, здесь сейчас скопились довольно большие запасы. Импорт превышает у меня экспорт. Вы понимаете, на мне сейчас лежат иные и даже более важные обязанности, чем производство золота. Здесь я храню свою продукцию до момента отправки. Почти ежедневно я посылаю ящик золота в Лондон. Сбытом золота занимаются семнадцать моих агентов. Каждый из них уверен, что он единственный, и каждому до смерти хочется узнать, где я достаю так баснословно много чистого золота. Они говорят, что лучшего золота на рынке не имеется. Кажется, наиболее распространенная версия — что я один из совладельцев какого-нибудь южноафриканского прииска и что местонахождение золота держится в секрете. Ну, во сколько оцените вы все золото, что в этой комнате? Оно должно стоить очень немало, ведь это итог моей почти недельной работы.

— Какая-нибудь совершенно головокружительная цифра, — сказал Роберт, поглядев на ряды золотых кирпичей. — Что-нибудь около полутора тысяч фунтов?

— Да что вы, гораздо больше! — засмеялся Рафлз Хоу. — Сейчас я вам скажу точно. Один слиток стоит свыше двух тысяч фунтов. Здесь пятьсот слитков у каждой из трех сторон комнаты, у четвертой только триста из-за того, что там дверь. Но на полу не меньше двух сотен. Всего получается тысячи две слитков. Поэтому, дорогой мой друг, любой биржевик, купив все золото, которое находится в этой комнате, за четыре миллиона фунтов, счел бы, что совершил недурную сделку.

— И это итог работы одной недели! — ахнул Роберт. — У меня просто мысли путаются!

— Теперь вы станете мне верить, когда я говорю, что ни одному из моих обширных проектов не помешает отсутствие денег. Давайте перейдем в лабораторию, вы увидите, как я изготавливаю золото.

Посреди лаборатории стоял аппарат, похожий на большие тиски и состоящий из двух широких металлических пластин, судя по цвету, бронзовых, и большого стального винта, с помощью которого они сдвигались. К пластинам шли бесчисленные провода от динамомашин, находившихся у противоположной стены. Внизу под аппаратом стоял стеклянный изоляционный стол, в средней его части шел ряд углублений.

— Сейчас вы поймете, как все это делается, — сказал Рафлз Хоу, сбрасывая пиджак и надевая прокопченную, измазанную холщовую куртку. Сперва надо немного поднять

температуру в горне. — Он налег на огромные мехи, и в ответ раздалось гудение пламени. — Этого достаточно. Чем выше температура, чем сильнее электрический ток, тем быстрее идет процесс. Теперь берем свинец. Помогите дотащить его сюда.

Они подняли с пола с десяток свинцовых брусков и положили на изоляционный стол. Зажав их с обеих сторон металлическими пластинами, Рафлз Хоу туго закрутил винт.

— Прежде на все это требовалась масса времени, — заметил Хоу, — но теперь у меня столько всяких приспособлений, что работа идет гораздо быстрее. Ну, осталось только пустить ток, и мы сможем начать.

Он взялся за длинный стеклянный рубильник, выступавший среди проводов, и опустил его. Что-то резко щелкнуло, затем начался непрерывный треск. От электродов рвались мощные огненные струи. Ореол золотистых искр окружил металл на стеклянном столе, искры свистели и щелкали, как пистолетные выстрелы. В воздухе остро пахло озоном.

— Действующая тут сила огромна, — сказал Рафлз Хоу. Он наблюдал за процессом, держа на ладони часы. — Органическую материю она обращает в протил мгновенно. Надо очень точно разбираться в устройстве аппарата, умело с ним обращаться, не то механик может серьезно пострадать. Мы имеем дело с колоссальной мощностью. Видите, свинец уже начинает видоизменяться.

В самом деле, на тусклом сером бруске выступали серебристые, как роса, капли и падали со звоном в углубление на стеклянном столе. Свинец медленно плавился, таял, как сосулька на солнце, электроды все время плотно его сжимали, пока не сошлись вместе, и от твердого металла осталась лужица ртути. Рафлз Хоу опустил в нее два меньших электрода, и ртуть начала постепенно густеть, застывать и, наконец, обратилась в твердое тело с желтовато-бронзовым отливом.

— Это платина, — пояснил Рафлз Хоу. — Сейчас мы вытащим ее из углублений и снова подвергнем действию больших электродов, вот так. Включим ток. Видите, цвет металла становится все темнее, все гуще. Ну, полагаю, достаточно.

Он поднял рубильник, удалил электроды — перед Робертом лежал десяток кирпичей красноватого, тускло мерцающего золота.

— Согласно нашим расчетам, эта утренняя работа должна дать двадцать четыре тысячи фунтов, а она отняла у нас не больше двадцати минут, заметил алхимик, снимая один за другим слитки только что изготовленного золота и бросая их на стол, уже покрытый золотыми брусками.

— Давайте продолжим опыт, — сказал затем Рафлз Хоу, оставив последний слиток на изоляционном столе. — Всякому он показался бы слишком дорогостоящим — целых две тысячи фунтов, но у нас, как видите, масштабы иные. Следите, сейчас металл пройдет всю шкалу изменений.

Первым на свете после самого изобретателя Роберт увидел, как золото под действием электродов быстро и последовательно превращалось в барий, олово, серебро, медь, железо. Длинные белые электрические искры становились ярко-красными от стронция, пурпурными от калия, желтыми от марганца. Наконец, после сотни всяких изменений, металл вовсе растаял прямо на глазах у Роберта, и на стеклянном столе осталась лишь горстка легкой серой пыли.

— Это и есть протил, — сказал Хоу, перебирая ее пальцами. — Может быть, химики будущего сумеют и протил разложить на составные части, но для меня это Ultima Thule.⁵ А теперь, Роберт, — продолжал он, помолчав, — я показал вам достаточно, вы узнали мою великую тайну. Тайна эта дает владеющему ею такое могущество, каким не обладал еще ни один человек от сотворения мира. И заветное мое желание — употребить свое открытие на служение людям. Клянусь вам, Роберт Макинтайр, если бы я убедился, что золото мое не приносит им добра, я бы покончил со всем этим навеки. Нет, я никогда не использую его

⁵ Предел (лат.)

ради собственного обогащения, клянусь всем, что свято, ни один человек не вырвет у меня мой секрет.

Глаза его сверкали, голос дрожал от волнения. Высокий, худой, он стоял среди своих электродов и реторт, и было что-то величественное в этом человеке, который, обладая сказочным богатством, сохранил высокие нравственные качества и не ослеп от блеска своего золота. Роберт, натура слабая, и не представлял прежде себе, какая сила заключена в этих тонких сжатых губах, в этих вдумчивых глазах.

— Можно не сомневаться, мистер Хоу, этот секрет в ваших руках будет служить только добру.

— Надеюсь, что так. От всей души на то уповаю. Знайте, Роберт, я открыл вам то, чего, пожалуй, не открыл бы и родному брату, будь у меня брат. И сделал я это потому, что верю и надеюсь, что вы человек, который не станет употреблять это могущество, если оно достанется вам от меня по наследству, в корыстных, эгоистических целях. Но и вам я не сказал всего. Есть одно звено, о котором я умолчал и о котором вы узнаете лишь после моей смерти. Взгляните!

Он подошел к большому, окованному железом сундуку, стоявшему в углу, и, открыв его, достал небольшую шкатулку резной слоновой кости.

— Внутри лежит документ, раскрывающий подробности процесса, пока еще вам неизвестные. Если со мной что-нибудь случится, вы всегда сможете продолжать мое дело, выполнять мои планы, следуя указаниям, изложенным в этой бумаге. Теперь, — заключил он, опустив шкатулку на прежнее место, — я буду часто обращаться к вам за помощью. Но сегодня она мне не понадобится. Я и так отнял у вас слишком много времени. Если отсюда пойдете прямо домой, прошу вас, передайте Лауре, что я зайду к ней сегодня вечером.

Глава XII СЕМЕЙНАЯ ССОРА

Итак, великая тайна раскрыта! Роберт шел домой, и в голове у него вился целый рой мыслей, кровь стучала в висках. Он поежился, когда утром выходил из «Зеленых Вязов» навстречу сырому, холодному ветру, в густую, туманную мглу. Но теперь он все ощущал иначе, все видел в розовом свете, он шагал по грязной, изрезанной глубокими колеями деревенской улочке — и ему хотелось петь, танцевать. Чудесный удел выпал на долю Рафлза Хоу, но и ему, Роберту, едва ли худший. Ведь он посвящен в великий секрет алхимика, ему достанется сказочное богатство, каким не обладают и монархи, и в придачу свобода и независимость, каких у монархов нет. Поистине завидная доля! Перед ним вставали тысячи радостных видений будущего, в мечтах он уже вознесся над всем миром: люди падали перед ним ниц, моля о помощи или вознося благодарения за милости.

Каким неприглядным показался ему запущенный их сад с редким кустарником и тощими вязами, каким жалким простой кирпичный фасад дома с окрашенным в зеленый цвет деревянным крыльцом! Все это и раньше оскорбляло его вкус художника, но сейчас безобразие дома показалось ему нестерпимым. А комната! Стулья, обитые клеенкой, ковер унылой расцветки, на полу дорожка из разноцветных лоскутков — все вызывало в нем отвращение. Одно лишь было красиво в этой комнате — его сестра, и взгляд Роберта остановился на ней с удовольствием. Лаура сидела в кресле у камина, и прекрасное, тонкое, белое ее лицо четко выделялось на темном фоне стены.

— Знаешь, Роберт, — сказала она, кинув на него взгляд из-под длинных черных ресниц, — папа становится невозможен. Мне пришлось сказать ему прямо, что я выхожу замуж не ради его выгоды, а ради своей собственной.

— Где он сейчас?

— Право, не знаю. В «Трех голубках», вероятно. Он проводит там почти все свое время. Он выскочил из дому в страшной ярости, наговорил мне кучу глупостей о брачных

договорах, родительских запретах и тому подобное. Его представление о брачном контракте сводится, по-видимому, к тому, что имущество надо записать на имя отца. Ему следовало бы вести себя смиренно и ждать, пока о нем позаботятся.

— Знаешь, Лаура, все же нужно относиться к нему снисходительнее, сказал Роберт обеспокоенно. — Последнее время я замечаю, что он очень переменился. Мне кажется, он не вполне душевно здоров. Надо бы обратиться за советом к врачу, но я сегодня все утро провел у Рафлза.

— Да? Ты виделся с Рафлзом? Он ничего не просил мне передать?

— Сказал, что зайдет к нам, как только закончит работу.

— Но что с тобой, Роберт? Ты разгорячен, глаза блестят, ты как-то даже похорошел, — с женской проницательностью заметила Лаура. — Рафлз что-нибудь сказал тебе? А, догадываюсь, он рассказал тебе, откуда у него деньги, верно?

— Да. Он мне многое объяснил. Поздравляю тебя, Лаура, поздравляю от всей души, ты будешь очень богата!

— Как все-таки странно, что именно теперь, когда мы обеднели, нам довелось познакомиться с таким человеком! Это все благодаря тебе, милый мой Роберт. Ведь если бы ты не полюбился ему, он никогда бы не попал к нам в «Зеленые Вязы» и ему не полюбился бы еще кое-кто.

— Вовсе нет, — ответил Роберт, усаживаясь подле сестры и ласково похлопывая ее по руке. — У него любовь к тебе с первого взгляда. Он влюбился в тебя, еще не зная твоего имени. Ведь он расспрашивал о тебе в первый же день, как мы с ним познакомились.

— Но расскажи, Боб, что ты узнал о его богатстве, — попросила Лаура. — Он мне еще ничего не говорил, а меня мучает любопытство. Откуда у него деньги? Во всяком случае, это не отцовское наследство — отец его был простым деревенским врачом, он мне сам рассказывал. Как же он добывает деньги?

— Я обещал держать это в тайне. В свое время он сам все тебе объяснит.

— Ну скажи хотя бы, угадала я или нет: он получил их от дяди? Да? Или от какого-нибудь друга? Или продал необыкновенный патент? Может, нашел золотую жилу? Или нефть? Ответь же, Роберт!

— Не проси, не могу, честное слово! — засмеялся брат. — И больше об этом я с тобой говорить не стану. Ты чересчур хитра. А я обязан хранить секрет. И, кроме того, мне необходимо пойти поработать.

— Очень нелюбезно с твоей стороны. — Лаура надула губки. — Но мне пора одеваться, поездом час двадцать я еду в Бирмингем.

— В Бирмингем?

— Да, мне надо заказать там кучу всяких вещей. Все надо купить заново. Вы, мужчины, забываете о таких пустяках. Рафлз хочет, чтобы мы обвенчались чуть ли не через две недели. Конечно, все будет очень скромно, но все же надо кое о чем позаботиться.

— Так скоро? — задумчиво произнес Роберт. — Ну что ж, может, так оно и лучше.

— Конечно, гораздо лучше. Представь себе, какой ужас, если вдруг приедет Гектор и устроит сцену! А если к тому времени я успею выйти замуж, это уже не будет иметь никакого значения. Что мне до того? Но Рафлз, разумеется, понятия не имеет о Гекторе. Будет просто ужасно, если они встретятся.

— Да, этого допустить нельзя.

— Я не могу без страха подумать об этом. Бедный Гектор! Но что мне оставалось делать? Ты же знаешь, Роберт, ведь у нас с ним была просто старая детская дружба. И разве могу я из-за нее отказаться от такого предложения? Это просто мой долг перед семьей, ведь правда?

— Ты попала в трудное положение, очень трудное, — ответил ей брат. Но все уладится, я не сомневаюсь, Гектор все поймет. А ты говорила старику Сперлингу, что выходишь замуж?

— Ни слова. Он был вчера у нас, завел разговор о Гекторе, но, право, я не знала, как

ему сказать. Мы поженимся в Бирмингеме, поэтому, в сущности, незачем ему и говорить. Ну, я должна поторопиться, не то опоздаю на поезд.

Сестра ушла, а Роберт поднялся к себе в студию и, растерев краски на палитре, долго стоял перед большим пустым холстом, держа в руке кисть и мастихин. Какой бессмысленной, какой бесполезной показалась ему теперь его работа! Какая у него цель? Заработать деньги? Они будут у него и так, стоит лишь попросить или в конце концов даже взять без спроса. Или, может быть, он работает, чтобы создать прекрасное произведение? Нет, как художник он далек от совершенства. Рафлз Хоу именно так сказал и был прав. После стольких усилий убедиться, что все это зря? А имея деньги, можно покупать картины, которые доставят ему радость, потому что будут действительно прекрасны. Какой же смысл в его работе?

Роберт не видел теперь этого смысла.

Он бросил кисть, разжег трубку и спустился обратно в гостиную.

Перед камином стоял отец отнюдь не в благодушном настроении, о чем свидетельствовало его красное лицо и опухшие глаза.

— Ну, Роберт, ты, конечно, как всегда, все утро провел, интригуя против отца!

— Что ты хочешь сказать, отец?

— Именно то, что говорю. Разве это не интриги, не заговор, когда вы все трое — ты, она и этот Рафлз Хоу — шепчетесь, совещаетесь и что-то замышляете, а мне ни о чем ни слова? Что мне известно о ваших планах?

— Я не вправе разглашать чужие секреты, отец.

— Секреты? Но я тоже имею право голоса! Секреты там или не секреты, а вы еще вспомните, что у Лауры есть отец, которого нельзя просто отшвырнуть в сторону! Пусть у меня были неудачи в делах, но я не настолько низко пал, я не позволю, чтобы меня третировали в собственной семье! Что, собственно, я выигрываю от этого прекрасного замужества?

— Что ты выигрываешь? Я полагаю, счастье Лауры — достаточная для тебя награда.

— Если бы этот человек искренне любил Лауру, он позаботился бы о ее отце. Не далее как вчера я попросил у него в долг, да, да, я снизошел до того, что обратился к нему с просьбой! Это я-то, который чуть не стал мэром Бирмингема! И что же? Он наотрез мне отказал!

— Ах, отец! Ну как ты мог пойти на такое унижение?

— Да, да, отказал наотрез! — возбужденно кричал старик. — Это, видите ли, противно его принципам! Но я с ним еще поквитаться... вот увидишь! Я про него кое-что знаю. Как они там называют его в «Трех голубках»? Фальшивомонетчик, вот как! Зачем это ему без конца доставляют столько металла, и почему у него всегда идет дым из трубы?

— Отец, оставь ты его в покое! — взмолился Роберт. — Ты, кажется, только и думаешь, что о его деньгах. А по мне, не имей он ни гроша в кармане, он все равно милый, сердечный человек.

Старик Макинтайр разразился хриплым хохотом.

— И ты еще читаешь проповеди! — сказал он. — Не имей он ни гроша в кармане! Да разве стал бы ты так лебезить перед ним, будь он нищим? И ты воображаешь, Лаура бы тогда взглянула на него? Ты сам не хуже меня знаешь, что она выходит за него только из-за денег.

У Роберта вырвался крик ужаса: в дверях стоял Рафлз Хоу. Он был бледен и молча переводил испытующий взгляд с отца на сына.

— Прошу извинить, — сказал он сухо. — Я не имел намерения подслушивать, но я невольно слышал ваш разговор. Что касается вас, мистер Макинтайр, ваши слова продиктованы вашим недобрым сердцем. Они меня не задевают. Роберт же мой преданный друг. И Лаура любит меня ради меня самого. Вам не удастся подорвать мое доверие к ним. Но с вами, мистер Макинтайр, у нас нет ничего общего, и даже лучше, что мы откровенно выскажем это друг другу.

Он поклонился и вышел так быстро, что ни Роберт, ни его отец не успели сказать ни

слова.

— Вот видишь! — сказал наконец Роберт. — Ты натворил такое, что уже не поправишь.

— Я еще с ним поквитаюсь! — яростно выкрикнул старик, грозя кулаком вслед темной, медленно проходившей за окном фигуре. — Подожди, Роберт, ты увидишь, можно ли шутить шутки с твоим старым отцом!

Глава XIII НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Лауре, когда она вернулась из Бирмингема, о случившемся не сказали ни слова. Она была в приподнятом настроении и весело болтала о покупках, о приготовлениях к свадьбе, время от времени выражая удивление, почему это Рафлз все не приходит. Наступил вечер, а от него по-прежнему не было вестей, и Лаура начала беспокоиться.

— Что его задерживает, почему он не идет? — спросила она брата. Сегодня впервые после нашей помолвки мы с ним не виделись.

Роберт выглянул в окно.

— Очень ветрено, и сильный дождь, — сказал он. — Думаю, сегодня Хоу не придет.

— Гектор, бедняга, приходил в любую погоду: в дождь, в снег, когда угодно. Но, впрочем, Гектор — моряк. Ему все нипочем. Надеюсь, Рафлз не заболел?

— Он был совершенно здоров, когда я виделся с ним утром, — ответил брат, и оба они умолкли.

В оконные стекла бил дождь, в ветвях вязов у садовой ограды свистел ветер.

Старик Макинтайр весь день молча просидел в углу, глядя на огонь в камине, кусая ногти, и с его морщинистого лица не сходило выражение злобы. Вопреки своему обыкновению он не пошел в деревенский трактирчик, а рано поплелся спать, так и не сказав детям ни слова. Лаура и Роберт еще некоторое время сидели у камина, оживленно болтая. Лаура щебетала о том, сколько чудес сотворит она, когда станет хозяйкой Нового Дома. Роберт не мог не заметить, что сейчас сестра рассуждает о благотворительности меньше, чем при своем будущем муже. Кареты, платья, приемы, путешествия в далекие страны — вот о чем рассуждала она так же горячо, как прежде об устройстве приютов и работных домов.

— Я думаю, лучше всего лошади серой масти, — сказала она. — Гнедые тоже красивы, но все же серые эффектнее. Мы можем обойтись двухместной каретой и ландо, да еще нужна двуколка для Рафлза. У него полны конюшни лошадей и экипажей, но он никогда ни верхом не ездит, ни в экипаже. Если только на него надеяться, вся его полсотня коней просто перемрет от отсутствия моциона, или у них печень ожиреет, как у страсбургских гусей.

— Вы, наверное, останетесь жить здесь? — спросил брат.

— Да, но, кроме того, нам необходим дом в Лондоне, чтобы проводить там сезон. Конечно, пока я не хочу предлагать никаких изменений, но потом все будет по-другому. Я уверена, Рафлз не откажет мне, если я попрошу. Он может сколько угодно говорить, что ему не нужны почести и благодарности, но какой, интересно, смысл заниматься благотворительностью, если ничего за это не получаешь? Не сомневаюсь, если он доведет до конца хотя бы половину своих проектов, его сделают пэром. Допустим, он будет лорд Тэмфилд. И тогда я, конечно, стану леди Тэмфилд. Как это тебе нравится, Боб?

Она присела, делая реверанс, и вскинула голову так, словно была рождена носить корону.

— Отцу придется дать пенсию, — заговорила она немного погодя. — Он будет получать ежегодно определенную сумму при условии, что не станет мешать и поселится где-нибудь в другом месте. А для тебя, Роберт, право, не знаю, что придумать. Мы сделаем тебя президентом королевской академии, если только это звание можно купить за деньги.

Было уже поздно, когда они, наконец, перестали строить воздушные замки и разошлись

по своим комнатам. Но воображение Роберта было возбуждено, и он не мог уснуть. События этого дня могли бы взвинтить человека и с более крепкими нервами. Утром ему открыли необыкновенную тайну и показали фантастическое зрелище в лаборатории. Затем разговор с отцом, их размолвка, неожиданное появление Рафлза Хоу. И, наконец, болтовня сестры. Все это взбудоражило его и отогнало сон. Напрасно ворочался он с боку на бок, напрасно шагал по комнате, стараясь успокоиться. Ему не только не хотелось спать, но каждый нерв его был натянут, все чувства обострены до предела. Что же сделать, чтобы хоть ненадолго заснуть? Роберт вспомнил, что внизу стоит графин с коньяком, стакан вина может нагнать сон.

Он только успел приоткрыть дверь своей комнаты, как до слуха его долетел звук медленных, крадущихся шагов: кто-то спускался по лестнице. Лампа у него в комнате не горела, и Роберт издали увидел на лестнице тусклый свет свечи и движущуюся вдоль стены тень. Он замер, напряженно прислушиваясь. Теперь шаги доносились из передней, послышался легкий скрип: кто-то осторожно повернул ключ в замочной скважине. В ту же минуту струя холодного воздуха задула свечу, и резкий короткий стук возвестил, что дверь захлопнули снаружи.

Роберт был поражен. Кто мог бродить здесь ночью? Вероятно, отец. Но что заставило его выйти из дому в три часа ночи? И в такую погоду! С каждым порывом ветра дождь ударял в окно спальни, точно стараясь выбить его. Стекла в раме дрожали, а за окном скрипело и стонало дерево, ветер раскачивал его громадные ветви. Что могло выгнать человека на улицу в такую ночь?

Роберт поспешно чиркнул спичкой и зажег лампу. Спальня отца находилась напротив, и дверь была слегка приоткрыта. Роберт распахнул ее и оглядел комнату. Она была пуста. Постель была даже не смята. У окна стоял единственный стул. Тут отец, должно быть, и сидел с тех пор, как ушел к себе наверх. Ни книги, ни газеты поблизости. Чем же он занимался все это время? Ничего, только на подоконнике лежит ремень для правки бритвы.

Сердце Роберта похолодело от предчувствия беды. В ночном походе отца скрывалось недоброе. Ему вспомнилось, как старик вчера был угрюм, как хмурился, как яростно грозился. Да, тут что-то неладно. Но, может быть, он, Роберт, еще успеет предупредить возможное несчастье? Лауру звать незачем. Что она тут сделает? Роберт торопливо оделся, запахнулся в теплое пальто и, схватив шляпу и трость, бросился вслед за отцом.

На деревенской улице ветер бушевал с такой силой, что Роберту пришлось идти боком, чтобы его не сбило с ног. В переулке было тише — с одной стороны тут защищали высокая насыпь и живая изгородь. Но дорога была покрыта грязью, а сверху непрерывно хлестал дождь. И нигде ни души. Но Роберту незачем было искать прохожих, спрашивать, не встретился ли им отец, он знал, куда тот отправился, знал наверняка, как если бы видел это собственными глазами.

Железные ворота Нового Дома были приоткрыты, и Роберт быстро зашагал по аллее среди елок, с которых падали капли дождя. Зачем пошел сюда отец? Только чтобы высмотреть, подкараулить что-нибудь, или он ищет Рафлза Хоу, хочет высказать ему свою обиду, возмущение? А может быть, за этим загадочным исчезновением из дому среди ночи скрывается более темный, более страшный умысел? Роберт вдруг вспомнил о ремне для правки бритвы, забытом на подоконнике отцовской спальни, и похолодел от ужаса. Зачем понадобилась старику бритва?

Роберт ускорил шаг, он почти бежал, пока не очутился у подъезда.

Слава богу, в доме все тихо! Роберт стоял у высокой двери, напряженно вслушиваясь в тишину. Нигде ни звука, только шум ветра и дождя. Где же отец? Если он задумал проникнуть в дом, то уж, во всяком случае, не через окно: ведь он слышал, как Рафлз Хоу рассказывал о мерах, принятых против грабителей. И вдруг Роберта как громом поразило. А то ничем не защищенное окно! Хоу был так неосторожен, что рассказал о нем. Среднее окно лаборатории! Если он, Роберт, отлично помнит про него, то уж и отец, конечно, не забыл! Да, здесь таится опасность!

Едва Роберт завернул за угол дома, как убедился, что догадки его имели основание. В

лаборатории горел свет, и в темноте три широких окна выделялись яркими серебряными четырехугольниками. Среднее окно было раскрыто, и Роберт тут же увидел, как темная фигура с обезьяньими хватками вспрыгнула на подоконник и исчезла внутри комнаты. Лишь на секунду на фоне яркого света мелькнули ее очертания, но этого было достаточно, чтобы Роберт узнал отца. Роберт на цыпочках подобрался к открытому окну и заглянул внутрь. То, что он увидел, потрясло его.

На стеклянном столе лежало пять или шесть слитков золота, очевидно, произведенного вечером, но еще не убранного в хранилище. И на эти слитки золота старик кинулся, как на свою законную добычу. Он лег грудью поперек стола, обхватив руками золотые бруски, прижимаясь к ним щекой, что-то напевая и бормоча про себя. В резком ярком свете среди огромных колес и странных механизмов эта маленькая темная фигура, жадно вцепившаяся в золото, являла собой мрачное и в то же время жалкое зрелище.

Минут пять Роберт стоял в темноте под дождем, не отрывая глаз от окна, а отец все лежал неподвижно, лишь крепче прижимаясь к золоту и поглаживая его костлявыми руками. Роберт не знал, как поступить, и вдруг у него вырвался возглас удивления, тут же заглушенный завыванием ветра.

В углу комнаты стоял Рафлз Хоу. Роберт не понимал, каким образом он там очутился, он готов был поклясться, что за минуту перед тем угол был пуст. Рафлз Хоу молчал. Он стоял в длинном темном халате, скрестив на груди руки, на бледном лице его застыла горькая усмешка. Старик Макинтайр, очевидно, тоже его увидел, громко выругался и еще теснее обхватил свое сокровище, искоса бросая на хозяина дома злобный, бегущий взгляд.

— Вот до чего дошло! — произнес наконец Рафлз Хоу, делая шаг вперед. — Пасть так низко, прокрасться в мой дом ночью, как мелкий вор! Вы знали, мистер Макинтайр, что окно это не заперто. Я помню, что говорил об этом при вас. Однако я не сказал, что у меня есть способ тут же получить сигнал, если ко мне заберутся воры. Но чтобы грабителем оказались вы!..

Старый фабрикант оружия не пытался оправдаться, только бормотал ругательства и все цеплялся за слитки золота.

— Я люблю вашу дочь, — продолжал Рафлз Хоу, — и ради нее не выдам вас. Я сохраню ваш отвратительный, позорный поступок в тайне. Никто не узнает, что произошло сегодня ночью. Я не стану будить слуг и звать полицию. Но вы должны сейчас же покинуть мой дом. Больше мне вам сказать нечего. Уходите тем же путем, каким вы сюда попали.

Он шагнул вперед и протянул руку, словно хотел оттащить старика от золота. Неожиданно тот выхватил что-то из кармана пальто и, свирепо крикнув, бросился на алхимика. Нападение было так внезапно и яростно, что Рафлз Хоу не успел защититься. Костлявые пальцы сжали ему горло, в воздухе сверкнуло лезвие бритвы. По счастью, бритва, опускаясь, задела за один из бесчисленных проводов, тянувшихся по всей лаборатории, и, выскользнув из рук старика, со звоном упала на каменный пол. Но, и лишившись оружия, старик был все же опасен. Не произнося ни звука, он с чудовищной энергией кидался на Рафлза Хоу, вынуждая его отступать, пока оба они не наткнулись на скамью и не упали. Макинтайр оказался на Рафлзе Хоу. Он сжал алхимику горло, и тому пришлось бы плохо, если бы Роберт не вскочил в окно и не оттащил отца. Вместе с Хоу они повалили старика на пол и шейным платком скрутили ему руки. На него было страшно смотреть, лицо его искажала судорога, глаза вылезли из орбит, на губах выступила пена.

Хоу оперся о стеклянный стол, он задыхался, прижимая рукой левый бок.

— Роберт? — Он еле дышал. — Какой ужас!.. Но как вы здесь очутились?

— Я шел следом за отцом. Я слышал, как он уходил из дому.

— Он хотел ограбить меня. И готов был убить. Но он безумец, самый настоящий безумец!

В том не было сомнения. Старик приподнялся и внезапно разразился хриплым смехом. Он раскачивался из стороны в сторону, поглядывая то на Рафлза Хоу, то на сына хитрыми, сверкающими глазками. Оба поняли, что ум старика помутился от навязчивых мыслей о

богатстве, что перед ними маньяк. Жуткая, беспричинная веселость старика была еще страшней его ярости.

— Что нам с ним делать? — спросил Хоу. — Его нельзя отвести домой. Это будет страшным ударом для Лауры.

— Необходимо пригласить врача. Нельзя ли оставить отца здесь до утра? Если мы возьмем его домой, по дороге может кто-нибудь встретиться, тогда не избежать огласки.

— Понимаю. Мы переведем его в комнату с пробковыми стенами, там он не причинит вреда ни себе, ни другим. Знаете, я просто сам не свой. Но теперь мне лучше. Возьмем его под руки — вы справа, я слева.

Наполовину ведя, наполовину волоча старика, они кое-как увели его из лаборатории и поместили на ночь в надежном месте. В пять часов утра Роберт отправился в двуколке за врачом, а Рафлз Хоу все шагал по своим царственным покоем. На лице его застыла озабоченность, сердце сжималось тоской.

Глава XIV ЗЛО РАСТЕТ

Лаура, очевидно, не была поражена горем оттого, что отца неожиданно увезли из дому. Ей ничего не сказали о том, при каких обстоятельствах это произошло, просто Роберт за завтраком сообщил сестре, что счел благоразумным послушаться совета врачей и поместил отца на некоторое время в больницу, где он будет под постоянным наблюдением. Она и сама не раз говорила, что странности отца усиливаются, поэтому новость эта не показалась ей слишком неожиданной, во всяком случае, не помешала ей с аппетитом пить кофе и есть яичницу и при этом оживленно болтать о предстоящей свадьбе.

Но на Рафлза Хоу случай этот подействовал совсем иначе. Он был потрясен до глубины души. Он всегда опасался, как бы его деньги не стали косвенной причиной чьей-нибудь гибели, а тут, прямо у него на глазах, они довели человека до преступления и безумия. Напрасно пытался он успокоиться, убеждая себя, что безумие Макинтайра вызвано иными, давнишними причинами, а он, Рафлз Хоу, и его богатство тут ни при чем. Он старался вспомнить, каким он впервые увидел старика: ворчлив, неумен, но явной порочности в нем заметно не было. Но с каждой неделей он менялся. Начались жадные взгляды исподтишка, намеки, недомолвки, и, наконец, вчера он открыто попросил денег. Совершенно очевидно, что все это — звенья одной цепи, ведущие к роковой встрече в лаборатории. Он мечтал, что золото его принесет людям благо, а оно породило зло и преступление.

Рано утром к Рафлзу зашел мистер Сперлинг, викарий: до него уже дошли дурные вести. Хоу приятно было поговорить с викарием — свежий, бодрый старик казался прямой противоположностью самому Хоу.

— Ах, ах! — огорчился викарий. — Какое несчастье, поистине несчастье! Помрачение рассудка, вы говорите, и нет надежды, что поправится? Боже мой, боже мой... Да я и сам замечал в нем перемену за эти последние недели. Будто он что-то затаил. А как Роберт Макинтайр?

— С ним все благополучно. Он был у меня утром, когда с отцом случился припадок.

— Нет, наш Роберт тоже изменился. Он уже не тот, что прежде. Вы меня простите, мистер Хоу, если я позволю себе подать вам совет. И не как духовный пастырь, а как человек, который по возрасту годится вам в отцы. Вы очень состоятельны, и вы благородно распорядитесь вашим богатством. Да, сэр, благородно. Не думаю, чтобы из тысячи нашелся один, кто так поступал бы на вашем месте. Но не кажется ли вам иногда, что деньги ваши оказывают на окружающих дурное влияние?

— Порой я боюсь, что да.

— Оставим старого Макинтайра. Его как пример уж брать не будем. Но Роберт! Прежде он с жаром отдавался своему делу, он так любил свое искусство. Бывало, когда ни

встретишь его, он тотчас заговорит о новых замыслах, о том, как подвигается последняя картина. В нем чувствовалось хорошее честолюбие, энергия, независимость. Теперь он ничего не делает. Я знаю наверное, что вот уже два месяца, как он не брал кисти в руки. Трудлюбивый художник стал лентяем и, еще того хуже, прихлебателем. Простите, что я говорю это вам так прямо.

Рафлз Хоу промолчал, только в отчаянии стиснул руки.

— Тоже и кое-кто из наших деревенских жителей, — продолжал мистер Сперлинг. — Боюсь, вы помогали слишком щедро, без разбору. И люди опустились, утратили чувство собственного достоинства. Вот, например, старик Блэкстон. У него на днях ветром сорвало крышу с сарая. Он всегда был человеком толковым, энергичным. Случись это три месяца назад, он взял бы лестницу и за два дня починил бы крышу. А теперь он сидит, бездельничает да строчит вам письма, потому что знает: стоит вам только услышать о его беде, и вы поможете. А старик Элвари? Правда, он всегда был бедняком, но все-таки трудился, сохранял достоинство. Теперь он палец о палец не ударит, только знай курит да сплетничает с утра до вечера. И, что хуже всего, ваша щедрость вредит не только тем, кому вы помогли: она сбивает с пути и тех, кто от вас ничего не получил. Они чувствуют себя несправедливо обиженными, обойденными, как будто другие получили то, на что и они имеют такое же право. Дело уж дошло до того, что я счел долгом обратиться к вам. Для меня самого это урок. Я часто порицал своих прихожан за скупость, и мне как-то странно упрекать того, кто излишне щедр. Это благородный промах.

— Крайне признателен вам за то, что вы все это мне рассказали, ответил Рафлз Хоу, пожимая руку викарию. — Впредь я буду осторожнее.

Пока не ушел мистер Сперлинг, Рафлз Хоу оставался спокойным, сдержанным. И только придя к себе, в свою скромную комнату, бросился на постель, зарылся лицом в подушку, из груди его вырвались рыдания. Самый богатый человек во всей Англии, он в тот день был и самым несчастным. Как ему поступить, куда направить ниспосланную судьбой силу? Он пытается осчастливить людей — и приносит им проклятие. Добрые его намерения дают такие горькие плоды! Как будто самый его разум поражен какой-то нравственной проказой, и он переносит ее на всех, кто находится под его влиянием. Благотворительность, которую он так тщательно обдумывал, словно бы пропитала отравой все окрестные селения. И если результаты даже малых дел так плачевны, чего ждать от его грандиозных проектов? Если он не может уплатить грошовый долг простого фермера, не нарушая великих законов причины и следствия, лежащих в основе жизни, как смеет он рассчитывать на то, что обогатит народы, вмешиваясь в сложную систему торговли или пытаясь обеспечить всем необходимым сотни тысяч человек?

Ужас охватил его, когда перед ним вдруг, как в тумане, предстали все эти неразрешимые задачи: что, если он совершит ошибки, которых потом не исправить никакими деньгами? Путь, начертанный провидением, — это прямой путь, а он, полуслепое создание, хочет изменить его, пытается повести человечество куда-то в сторону. Удастся ли ему стать благодетелем человечества, не окажется ли он величайшим его врагом?

Вскоре, однако, смятение его улеглось; он поднялся, умыл разгоряченное лицо, пылающий лоб. В конце концов, неужели нет поприща, где можно принести бесспорную пользу? Надо переделывать не столько природу, сколько жизнь человека. Не провидение же распорядилось, чтобы люди жили впроголодь, в тесноте, в жалких трущобах! Ведь все это результат искусственно созданных условий, их можно исправить искусственными же мерами. Может, ему все же посчастливится осуществить свои планы и мир станет лучше благодаря его, Рафлза Хоу, открытию. Неверно, что он несет только зло всем, с кем сталкивается. Лаура, например. Кто знает его лучше, чем она? А уж какая она добрая, нежная, преданная! Лаура, во всяком случае, не стала хуже от знакомства с ним. Надо пойти сейчас же повидаться с ней. Как отрадно будет услышать ее голос, получить ее сочувствие в этот тяжелый для него час.

Непогода утихла. Дул мягкий ветер, и в воздухе чувствовалось приближение весны.

Шагая по извилистой дороге, Рафлз Хоу вдыхал смолистый запах елей. Перед ним расстилались широкие просторы, там и сям виднелись усадьбы фермеров красные кирпичные домики; утреннее солнце бросало косые лучи на серые крыши, сверкало на стеклах окон. Сердце Рафлза Хоу тянулось к людям с их постоянными тревогами, с их стремлениями и надеждами, с убивающими душу заботами. Как подойти к людям? Как облегчить им жизнь и при этом не сбить их с пути? Все яснее видел он, что горести очищают душу и жизнь без стремления к совершенствованию лишена смысла.

Лаура сидела одна в гостиной: Роберт ушел, ему надо было завершить некоторые формальности в связи с болезнью отца. Увидев жениха, Лаура вскочила и с милой девичьей грацией подбежала к нему.

— Ах, Рафлз, — воскликнула она, — я была уверена, что ты придешь! Но как ужасна эта история с папой!

— Не огорчайся, дорогая, — мягко ответил он. — Может оказаться, что болезнь его не так уж серьезна.

— Это случилось, когда я еще спала. Я обо всем узнала только за завтраком. Вероятно, они пошли к тебе очень рано.

— Да, они пришли рано.

— Что с тобой, Рафлз? — спросила Лаура, заглянув ему в лицо. — Ты такой печальный, утомленный.

— Я сегодня в плохом настроении. Дело в том, что утром я долго беседовал с мистером Сперлингом.

Лаура вздрогнула, губы у нее побелели. Долго беседовал с мистером Сперлингом? Неужели он выдал ее?

— Вот как! — только и смогла она выговорить.

— Он сказал мне, что благотворительность моя причинила больше вреда, чем пользы, и даже что я оказываю дурное влияние на всех, с кем сталкиваюсь. Он дал мне понять это в самой деликатной форме, но смысл его слов был именно таков.

— И только-то? — Лаура облегченно вздохнула. — Не обращай внимания на то, что говорит мистер Сперлинг. Ведь это сушая чепуха! Все знают, что десятки людей без твоей поддержки давно бы разорились, их просто выгнали бы на улицу. Как могли они из-за тебя стать хуже? Меня поражает, что мистер Сперлинг мог придумать такой вздор!

— Как подвигается картина Роберта?

— Он что-то разленился. Давно не прикасается к работе. Но почему ты спрашиваешь? Опять у тебя морщинка на лбу. Извольте сейчас же разгладить ее, сэр! — Белой ручкой она провела по его нахмуренному лбу.

— Во всяком случае, я знаю кое-кого, кто из-за меня не стал хуже, сказал он, глядя на Лауру. — Есть человек — добрый, чистый, преданный, он все равно любил бы меня, даже если бы я был бедным клерком, с трудом зарабатывающим себе на пропитание. Ведь правда, Лаура, ты и тогда любила бы меня?

— Глупый! Ну, конечно!

— И все же, как странно, что ты, единственная женщина, какую я в жизни любил, ответила мне таким же чувством — чувством, свободным от корысти и расчета! Может, само провидение послало мне тебя, чтобы я вновь обрел веру в людей. Как холодно было бы на свете без женской любви! Утром я все видел в мрачном свете, я кинулся к тебе, к нашей любви, как к единственной своей опоре. Все остальное показалось мне изменчивым, ненадежным, всеми движут низменные побуждения. Только тебе, только тебе я верю!

— А я тебе, дорогой Рафлз! Я не знала, что такое любовь, пока не встретила с тобой.

Она шагнула к нему, протянула руки. В глазах ее светилась любовь, но тут же Рафлз увидел в них ужас, краска сбежала с ее лица. Она смотрела в сторону двери. Рафлз стоял спиной к двери и не видел, что так взволновало Лауру.

— Гектор... — еле произнесла она пересохшими губами.

Одно мгновение, и стройный, загорелый молодой человек вбежал в комнату и

подхватил Лауру на руки, словно перышко.

— Дорогая моя! — воскликнул он. — Я знал, что устрою тебе сюрприз. Я только что из Плимута, приехал вечерним поездом. И у меня длинный отпуск и сколько угодно времени, чтобы сыграть свадьбу. Правда, чудесно, Лаура, дорогая?

В полном восторге он кружил Лауру по комнате. И вдруг увидел незнакомца, молча стоявшего в стороне. Гектор густо покраснел и неловко, по-матросски поклонился, все еще сжимая холодную, неподвижную руку Лауры.

— Простите, сэр, не заметил вас сразу, — сказал он. — Извините, что я так ворвался. Но если бы вы послужили во флоте, вы бы поняли, что такое избавиться от матросской муштры и почувствовать себя свободным человеком. Мисс Макинтайр подтвердит, что мы с ней знаем друг друга с детства и не позже чем через месяц, надеюсь, поженимся.

Рафлз Хоу стоял неподвижно. Он был потрясен, оглушен тем, что увидел и услышал. Лаура оттолкнула Гектора и пыталась вырвать у него свою руку.

— Разве ты не получил моего письма в Гибралтаре? — спросила она.

— Я не попал в Гибралтар. Нам дали приказ с Мадейры вернуться в Англию. Эти умные головы в адмиралтействе способны каждые два часа менять приказы. Но что нам теперь до этого письма, когда я сам здесь и могу говорить с тобой! Однако ты не представила меня твоему другу.

— Одно слово, сэр, — произнес Рафлз Хоу дрожащим голосом. — Верно ли я вас понял? Я должен убедиться, что не ошибся. Вы обручены с мисс Макинтайр?

— Ну конечно! Я только что вернулся из четырехмесячного плавания и спешу сыграть свадьбу, пока не придется снова сниматься с якоря.

— Четыре месяца!.. — ахнул Рафлз Хоу. — Да ведь я приехал сюда ровно четыре месяца назад! Еще один, последний вопрос. Роберт Макинтайр знает о вашей помолвке?

— Роберт? Ну как же! Уезжая, я оставил Лауру на его попечении. Но что случилось? Что с тобой, Лаура? Почему ты такая бледная и молчишь? А что это с ним? Он теряет сознание...

— Ничего, сейчас пройдет. — Рафлз Хоу с трудом переводил дыхание, прислонясь к дверному косяку. Он был бел как бумага и держался рукой за сердце, словно его пронзила вдруг нестерпимая боль. Минуту он стоял, пошатываясь, затем крикнул что-то невнятное, повернулся и выбежал из комнаты.

— Вот бедняга, — сказал Гектор, с изумлением глядя ему вслед. Что-то с ним стряслось. Но что все это значит, Лаура, объясни!

Лицо моряка потемнело, он плотно сжал губы.

За все это время Лаура не сказала ни слова и стояла, не двигаясь, с застывшим взглядом, но теперь она вырвалась от Гектора, бросилась на диван и, уткнувшись лицом в подушку, разразилась бурными рыданиями.

— Это значит, что ты погубил меня! — крикнула она. — Да, погубил, погубил! Почему ты не оставил меня в покое? Зачем явился так не вовремя? Еще несколько дней, и все было бы кончено. Неужели ты не получил моего письма?

— И что же было в этом письме? — спросил Гектор холодно. Он смотрел на нее, скрестив руки на груди.

— Я написала, что ты свободен, что я полюбила Рафлза Хоу и собираюсь стать его женой. О, теперь все погибло! Я ненавижу тебя, ненавижу! И буду ненавидеть всю жизнь! Ты встал между мной и единственной удачей, выпавшей мне на долю. Оставь меня и никогда не приходи к нам!

— Это твое последнее слово, Лаура?

— Да, больше ты от меня ничего не услышишь!

— Тогда прощай. Я повидаюсь с отцом и сразу же вернусь в Плимут.

Он подождал с минуту, надеясь, что она скажет ему еще что-нибудь, затем печально вышел из комнаты.

Глава XV ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА

Поздно вечером в дом к Макинтайрам громко, настойчиво постучали. Лаура весь день провела у себя в спальне, а Роберт в подавленном настроении сидел у камина и курил трубку. Внезапный резкий стук прервал его мысли. Он открыл дверь; на пороге стоял Джонз, представительный дворецкий Рафлза Хоу. Лицо у Джонза было испуганное, он был без шапки, при свете лампы видно было, как по его лысой голове стекают дождевые капли.

— Прошу вас, сэр, будьте добры, зайдите к нам! — обратился он к Роберту. — Мы все очень тревожимся за нашего хозяина.

Роберт схватил шляпу и бросился бегом; перепуганный дворецкий бежал рядом, тяжело ступая. Весь день были только одни волнения и несчастья. На сердце молодого художника лежала тяжесть, его мучило предчувствие новой большой беды.

— Что же с вашим хозяином? — спросил он наконец, переходя на более ровный шаг.

— Не знаем, сэр, мы не можем достучаться к нему в лабораторию. Он не отвечает, и дверь заперта изнутри. Мы все напугались, сэр, уж очень он странно вел себя сегодня.

— Странно?

— Да, сэр. Утром вернулся с прогулки просто на себя не похож. Говорит сам с собой и смотрит в одну точку. Жутко глядеть! Потом долго ходил по коридорам, на завтрак даже не взглянул, а прошел в музей. Собрал драгоценности, все прочее и унес в лабораторию. Что он делал с тех пор, не знаем. Но слышно было, горн там у него все время горел, и из трубы валил дым, как на фабрике в Бирмингеме. Когда стемнело, нам стала видна тень мистера Хоу — окно-то было освещено. Он работал прямо как одержимый, таскал что-то тяжелое. И обедать не захотел, все работал и работал. А теперь все стихло, и горн остыл, и дым из трубы не идет, а мистер Хоу все в лаборатории и не отвечает нам. Вот мы и перепугались. Миллер побежал в полицию, а я к вам.

Они уже подошли к дому. У двери в лабораторию столпились слуги: только что прибывший деревенский полисмен, приставив электрический фонарик к замочной скважине, старался заглянуть внутрь.

— Ключ повернут наполовину, — сказал он. — Ничего не разглядеть, видно только, что там горит свет.

— Пришел мистер Макинтайр! — закричали сразу несколько голосов, едва Роберт подошел ближе.

— Придется взломать дверь, сэр, — сказал полисмен. — Никак не можем добиться ответа, что-то неладно.

Они несколько раз вместе налегли всей своей тяжестью на дверь; наконец послышался треск, замок сломался, и все, толпясь, прошли в узкий коридор. Дверь в лабораторию оказалась приоткрытой, и вот что они там увидели.

Посреди комнаты высилась, доходя до середины стены, огромная куча легкого серого пепла, а рядом меньшая кучка сверкающей пыли — она вся искрилась в лучах электрического света. Вокруг царил хаос: валялись черепки, разбитые бутылки, исковерканная аппаратура, спутанные, изогнутые и перепачканные провода. И среди этого разрушения, откинувшись на спинку стула и стиснув на коленях руки, в спокойной позе человека, отдыхающего после трудной и завершенной работы, сидел Рафлз Хоу, владелец этого дворца, самый богатый человек на свете. Он был смертельно бледен, но сидел так непринужденно, так естественно, выражение его лица было так безмятежно, что, только когда его приподняли с кресла и коснулись холодных окоченевших рук, все поняли, что он мертв.

Рафлза Хоу понесли к нему в комнату — ступая медленно, благоговейно, ибо его любили все, кто ему служил. Роберт и полисмен остались в лаборатории. Словно во сне, пораженный Роберт бродил среди хаоса. На полу лежал тяжелый молот, очевидно, им-то

Рафлз Хоу и разбил аппаратуру, сначала обратив с помощью электрических приборов все созданное им золото в протил. Сокровищница, так поразившая когда-то Роберта, теперь стала пустой комнатой с голыми стенами, и сверкающая пыль на полу говорила о том, какая судьба постигла великолепную коллекцию драгоценных камней, огромное, баснословное богатство. От машин не осталось ни одной целой детали, даже стеклянный изоляционный стол был расколот на три части. Непреклонная решимость чувствовалась во всем, что совершил Рафлз Хоу в тот день.

И вдруг Роберт вспомнил о секрете, спрятанном в шкатулке на дне окованного железом сундука. Ведь там оставлена ему разгадка последнего и самого важного звена процесса, раскрыта тайна создания золота! Сохранилась ли бумага? Задыхаясь и дрожа от волнения, Роберт открыл сундук и вытащил шкатулку слоновой кости. Она была заперта, но в замочной скважине торчал ключ. Роберт повернул ключ, откинул крышку. Там белел лист бумаги, и на нем стояло его, Роберта, имя. Дрожащими руками он развернул бумагу. Суждено ему наследовать богатство Эльдорадо или оставаться бедным художником и всю жизнь бороться за кусок хлеба?

Записка была помечена сегодняшним числом, и в ней было написано:

«Дорогой Роберт! Тайна моя умрет со мной. Не могу передать вам, как благодарю я небо за то, что удержался и не доверил вам весь секрет сполна, ибо я мог передать вам в наследство лишь горе и для вас самого и для других. Я не знал ни одной счастливой минуты с тех пор, как сделал свое открытие. Но я бы все стерпел, если бы чувствовал, что творю добро. Увы, все мои старания приводили к тому, что труженики становились бездельниками, довольные своей судьбой — жадными тунеядцами, и, что хуже всего, чистые, благородные женщины — обманщицами и лицемерками. Если таковы плоды моего вмешательства в малом, то можно себе представить, что получится из моих грандиозных планов, которые мы с вами так часто обсуждали. Все мечты моей жизни рушились. Меня вы больше не увидите. Я вернусь к занятиям наукой. Там, если я принесу и не много пользы, зато по крайней мере не принесу и вреда. Завещаю все оставшиеся в доме ценности распродать, а вырученную сумму разделить между благотворительными обществами Бирмингема. Я уеду сегодня же ночью, если почувствую себя крепче, — сегодня весь день у меня резкая боль в боку. Кажется, богатство столь же пагубно влияет на тело, как и на дух. Прощайте, Роберт, и пусть никогда на сердце у вас не будет так тяжело, как у меня сегодня.

Преданный вам Рафлз Хоу».

— Это самоубийство, сэр? Он покончил самоубийством? — вмешался полисмен, заметив, что Роберт прячет записку в карман.

— Нет, — ответил Роберт, — я думаю, у него не выдержало сердце.

Итак, все чудесные декорации и механизмы Нового Дома были разобраны, резьба, золото, книги, картины — все пошло с торгов. И немало обездоленных горемык, никогда и не слышавших о Рафлзе Хоу, пока тот был жив, стали его благословлять после его смерти. Дом купила какая-то компания и устроила там водолечебницу. Из тех, кто посещает ее, мало кто знает странную историю, связанную с этим домом.

Пагубное влияние, которое богатство Хоу распространяло на всех окружающих, казалось, не утратило своей силы и после его смерти. Старик Макинтайр все еще в больнице для душевнобольных. Он собирает кусочки дерева и металла, принимая их за слитки золота. Роберт Макинтайр, вечно хмурый и раздражительный, неустанно повторяет один и тот же научный опыт, — опыт этот ему никак не удастся. Живопись он забросил и тратит все свои скудные доходы на химическую и электрическую аппаратуру для своих опытов, тщетно пытаясь найти утерянное звено. Сестра ведет его хозяйство; это неразговорчивая, угрюмая женщина, все еще красивая и величественная, но душа ее отравлена горечью. Впрочем, последнее время Лаура усиленно занимается благотворительностью и стала незаменимой для

нового помощника vikария, — полагают, что он, быть может, пожелает никогда уже более не расставаться с ней. Так, во всяком случае, сплетничают в деревне, а в маленьком местечке такие пересуды всегда не без причин. Что до Гектора Сперлинга, то он все еще во флоте и, по-видимому, следует мудрому отцовскому совету не думать о женитьбе, пока не получит чин капитана. Возможно, что среди всех, кто так или иначе соприкоснулся с золотом Рафлза Хоу, он — единственный, кому оно пошло на благо.